

АЛЕКСАНДР СОЛОДОВНИКОВ

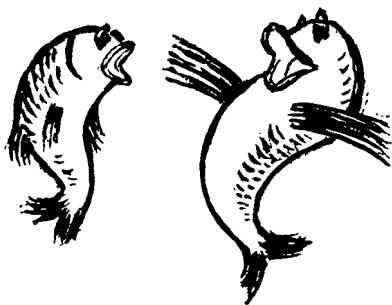
ЗАПИСКИ РЫБОЛОВА

Монреаль - Канада

АЛЕКСАНДР СОЛОДОВНИКОВ

ЗАПИСКИ РЫБОЛОВА

КАНАДА

1977

1 Записки рыбакова

NOTES of a FISHERMAN

By Alexander SOLODOVNIKOV

Все права на книгу сохранены за автором.

Printed by Monastery Press. 8011 Champagneur Ave.,
Montreal, Que. H3N 2K4. Canada.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	5
Философия рыбной ловли	8
Короткий рассказ. Из забытого прошлого	14
Чудаки-рыболовы	19
На рыбной ловле в Югославии	29
Моя первая рыбалка в Канаде	42
Осетренок Федька	51
Разговор рыболовов на рыбалке	58
На рыбалке в дождливый день	66
Пустой день на рыбной ловле	72
На рыбной ловле весной	82
На ловле судака	92
На озере Магог в Канаде	98
Осенний день на рыбалке	107
В диком лесу Канады	116
Среди рыболовов	125
Земляк	131
На рыбалке в Далмации	141
Когда нечего делать на рыбалке. Кот и собака	151
Хобби (фельетон)	158
Послесловие	163

* * *

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Проходят годы и даже столетия, а он остается неизменным — человек с удочкой.

Рыбки, говорят, в наши дни становится все меньше, а рыболовов все больше. Но даже если бы она и вовсе исчезла, человек с удочкой остался бы: а вдруг что-нибудь да клюнет!

Потому что счастье рыболова не только в одной рыбке: ему дорог и шелест травы, и гладь воды, и пение птиц, и восход солнца и многое другое, что дарит природа человеку за общение с ней.

На рыбалке душа рыболова живет свободно и открыта божественному свету. Оставшись наедине с природой, душа жаждет открыться самой себе.

Ужели это пустая мечта?

Рыболов любитель, — это прежде всего романтик, искатель здоровья и рыбацких приключений; часто чужак, а то и настоящий философ, которому чужд сумбур царящий в официальной философии.

Горожан сидящих в бюро или работающих на фабрике и не имеющих ни времени, ни возможности окунуться в красоты природы, лучше всех знакомят с вечно быющим ее сердцем, два человека: охотник и рыболов.

Первый с ружьем и собакой неутомимо бродит по лесам и болотам, второй с удочкой на бережку или в лодке, в компании таких же как он сам. И тот и другой в душе поэты, так как истинная поэзия вовсе не в нанизывании рифм, а в красивых переживаниях и уменьи их в увлекательной форме передать другим.

Охота хороша, но в ней видна жестокость убийства и не хватает глазного, — воды во всех ее видах и со всеми ее обитателями.

В своих написанных с натуры записках, я стремился сделать их интересными и привлекательными не только для одних рыболовов-любителей, но для всех любящих природу.

Еще в раннем детстве, мальчиком, стремясь при каждом удобном случае затесаться между легендарными рыбаками белужниками Севастополя (где я родился), Балаклавы и прилегающим к ним бухтам, я всегда с открытым ртом слушал их остроумные разговоры, пересыпанные народными прибаутками и непринужденным, здоровым смехом.

Я не мог надивиться легкому нраву этих мужественных, смелых и жизнерадостных приморцев.

Поэтому берусь утверждать, что слова французского писателя пессимиста Шамфора: «Счастье дается нелегко: очень трудно найти его в себе, и невозможно в чем-либо другом,» — к рыболовам никакого отношения не имеют.

— Рыболовы всего сзета владеют секретом счастья; они все, более или менее чудаки и весельчаки и, недаром в прежнее время в народе говорилось: «рыболовы близко, кланяйся низко.»

Со всеми видами их читатель в моих рассказах познакомится.

Автор.

**Первый слева у борта моторной лодки "Анна",
автор записок рыболова с членами
рыболовного клуба в Белграде,
в 1926 г.**

ФИЛОСОФИЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ

КАКОЕ ОТНОШЕНИЕ имеет философия к рыбалке, — с удивлением задаст себе вопрос рыболов любитель, приступая к чтению наших рассказов?

Понятие о философии изменялось в зависимости от исторического развития самой философии и, в конце концов, пришло к пониманию этой науки, как стремления к совершенству и полноте знания того или иного предмета или искусства.

Предметом философии, поэтому, логично может быть и любительская ловля рыбы. (Рыбалка). Ведь это тоже — своего рода искусство и, при этом, искусство трудное. Еще Аристотель высказал мнение, что необходим досуг для того, чтобы могла явиться философия, — где же его найти больше, чем на рыбалке?

— В полной оторванности от сутолоки, мелких забот и беспокойства современного города.

В этом смысле учил и другой великий философ Платон, говоривший, что ум наш питается по настоящему только природой, о которой русский поэт Тютчев писал:

«Не то, что мните вы природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...»

Хорошо себя чувствует человек на рыбной ловле. Блаженствует здесь его душа. Раскрывается лучам Божиим.

Проходят века, а человек с удочкой, — явление неизменное. Только в наш век рыболовы всюду жалуются... Нет рыбы, говорят они с тоской в голосе, а если где и сохранилась еще, стала не та, дурно пахнет.

Но если бы рыба и вовсе исчезла из рек и озер и даже морей, человек с удочкой остался бы, потому что он по натуре своей прежде всего созерцатель природы.

Одни предпочитают ловить рыбу в одиночестве, другие считают, что вдвоем лучше; «Дружно — не грузно, а один-то и у каши загинет», говорят такие.

Рыболова тяготит грубый мир действительности, он стремится удалиться от него подалее, под защиту тайных сил живой природы. Там он у себя дома, может мечтать и свято верить в снежного человека, в существование

добрых фей и русалок с изумрудными глазами и золотистыми волосами и в безкорыстную любовь и дружбу...

Время на рыбалке как бы перестает существовать, рыболову никуда не надо спешить, а внешний мир кажется ему навсегда от него отрезанным. На рыбалке исчезает беспокойство, печаль и страх, а скука, как сквозь землю проваливается.

Человек на рыбалке всегда находится в интеллигентном обществе живых творений природы. Рыбы также к ним относятся, хотя они, за неимением лицевых мускулов и не могут смеяться, плакать или сердиться, выражать боль или неудовольствие, — интеллигентностью природа их не обидела. Среди них есть представители, коэффициент интеллигенции которых очень высок, в то время, как у большинства рыболовов он не превышает заурядности.

По словам проф. К. А. Прокопова, в результате научных наблюдений установлено, что рыбы издают звуки, пользуясь плавательными пузырями, барабанными перепонками и жаберными пластинками для разговора между собой. Выражение «нем, как рыба», оказывается не соответствующим действительности, т. к., по научным наблюдениям, рыбы не только могут разговаривать, но и очень болтливы.

Рыбное царство огромно, существует на свете десятки тысяч видов рыб. Есть среди них добродушные, беспечные, застенчивые, веселые

и печальные, есть и злые, коварные, а есть и с хитрецей.

К этому последнему виду принадлежит сом, которого почему-то противопоставляют глупому человеку именуя его «сомом». Сом хитер, зароется в ил с головой, а роговый свой ус оставит снаружи, играя им как червячком. Как-кая-либо дуреха рыба соблазнится, схватит роговой ус, а сом тут как тут, хватъ ее и проглотит. По виду сом не интеллигентен, зато хитер и башка у него работает.

Живется такому болвану в реке совсем не плохо, ни трудиться, ни ходить куда-то на работу ему не нужно.

Сидит рыболов где-либо у воды, за удочкой посматривает, чего только ему в уединении и тишине не приходит в голову. Но прежде всего, сама природа ему открывается, ей сердечной, тоже поговорить с разумным существом хочется и всегда есть на что пожаловаться человеку, объяснить ему свое значение для всякой живой твари на земле, усовестить человека...

Прежде всего с ним заговорит река, это чудесное творение природы. Река работает не отдыхая: возит, поит и кормит животных и людей, услаждает им отдых, орошает луга и поля. Ночью отражает бледный лик Луны и нежно ласкается к дремучим лесам, которые ее охраняют от высыхания... и в награду за все эти ее благодеяния, люди безжалостно реку отравляют и загрязняют самыми от-

вратительными нечистотами убивающими живых обитателей реки — рыб.

У реки нет возраста. Время, как будто, обходит ее. Скорее меняются горы, небо, климат, а перемены возраста реки незаметны. Проходят над рекой тысячелетия истории, меняется в ней вода, а сама река остается как бы вечною.

Подавляющее число рыболовов, часто совсем простых людей, которых мне приходилось встречать в разных странах света, обладали чудесным даром — даром внутреннего духовного зрения лицезреть природу и скрытый под ее внешним покровом какой-то еще другой — невидимый нам мир.

Есть только один способ продлить свою жизнь — стареть беспрестанно, другого нет и быть не может. Но как стареть, — это надо знать.

Надо к годам прибавлять жизнь, а не поступать наоборот, — к старости, охая, вздыхая и глотая всякую лекарственную дрянь, прибавлять годы.

Рыбная ловля — самый лучший способ умно стареть.

Занимаясь до последнего своего часа житейскими делами, в «суете сует», человек этой цели достигнуть не может.

В северных пределах Канады, среди девственной, чарующей глаза природы, я встречал летом много восьмидесятипятилетних и более старшего возраста американских рыболовов

любителей, месяцами проводящих время на рыбалке где-либо на небольших озерах. Это все здоровые краснощекие и жизнерадостные люди, бросившие во-время свои бизнесы в больших городах. Им надоели советы врачей prolongить свою жизнь витаминами и дорогостоящими лекарствами, и они обратились прямо к природе, лечатся, прибавляют годы к старости прямо на ее лоне. А чтобы не копить зря ее чистое небо, хорошо изучили рыбную ловлю и поняли ее философию. — Она естественная и на нее можно положиться, в ее основании — правда. А с правдой все рыболовы в большой дружбе. Это известно каждому.

Мне один рыболов, имя которого он просил никому не говорить, рассказывал, что ему однажды попался на удочку карась фунтов пятнадцать, а то и все двадцать. Когда он его вытащил на берег и сняв с крючка, начал примериваться глазом к его весу, тот так оскалил на него свои зубы, что рыболов потерял от страха сознание, а когда пришел в себя, карася и след простыл...

КОРОТКИЙ РАССКАЗ

ИЗ ЗАБЫТОГО ПРОШЛОГО

ПИСАНИЕ рыбной ловли не изящная словесность, еще меньше щегольство рыболовной эрудиции — это естественное вдохновение, нисходящее на писателя только на лоне природы, в обществе страстных любителей рыбной ловли.

Вообще, по характеру своему оно не требует у писателя многословия, потому что не все слова, употребляемые рыболовами на рыбалке можно приводить в литературном творчестве. От этого, конечно, рассказ теряет часть своей увлекательности и профессиональной прелести.

Хороший рыболовный рассказ должен быть целомудренно кратким, и действие должно быть описано ярким и живым языком, чтобы у читателя-рыболова дух захватило: «Здорово, щучий сын, чешет, сразу видно, что нашего цеха мастер!»

Для этого писателю нужно слепо верить рыболову, когда он, разведя руками в размахе одного метра, говорит о величине пой-

манной им накануне пятнадцатисантиметровой щуки. Коротко говоря, писателю рыболовных рассказов нужно потерять связь между реальностью и фантазией.

Писать рассказ коротко — занятие мучительное, и дается оно не легко.

Что делать с такими, рвущимися из глубины души, фразами: «Разматывая удочки, рыболовы любовались, как зачарованные, солнцем, встававшим в утреннем тумане навстречу лениво пробуждающемуся дню», или, что еще поэтичнее звучит: «Глядя на луч пурпурного заката, согретые прощальным лучем зари вечерней, рыболовы начали, чертыхаясь, сматывать запутавшиеся удочки!»

Мучительно также для писателя обойти молчанием часто очень интересное и увлекательное вранье рыболовов.

Как птице естественно, усевшись на ветке дерева петь, так каждому рыболову, выбравшемуся на рыбалку необходимо «врать» без умолку.

Где найти силы, чтобы быть немногословным в таких случаях?

Но не пора ли уже приступить мне к изложению моего короткого рассказа?

Действие его произошло в далеком прошлом, во времена, когда, говоря по чистой совести, в России был «поставлен крест» над несправедливой, но хорошей жизнью. Народ в то время сначала от радости обалдел, а позже сдурел.

Во время оно, если его кто еще помнит, все боролись за..., стремились к..., добивались всего. Конкретно выражаясь, прогресса, которого тогда у народа было маловато. У меня же, по молодости лет в то время голова совсем другим делом занята была, а что касается прогресса, то я о нем понятия не имел. Не замечал я, что человечество вдруг предоставило русскому народу сдвинуться, наконец, с места, чтобы идти первым к... не смотря ни на какие человеческие жертвы.

Ну и пошли, значит, от большого ума...

Я тогда при каждом удобном случае направлялся на рыбалку, где только и можно было прийти в себя от всего, что вокруг творилось.

Подхожу как-то к небольшому озерцу, где-то в окрестностях Вязьмы. Ручеек маленький в него с холма стекает. Прозрачная вода, обтекая камни приятно журчит. Везде густо заросший лес, красиво так! Куда ни глянь, русская природа и немая земля, тишина полная.

Местность незнакомая. Вижу у берега на холмике, под березками сидит седой дед-пастух. Сидит себе да махорку покуривает, от Бога хоронится. Поблизости стадо коров пасется.

— Здорово, дедушка, Бог тебе на помощь, из здешних будешь? Рыба в озере есть?

— А куды же ей, рыбе-тось, деваться?
— отвечает лениво пастух, смачно плюнув в сторону.

— Какое же место тут получше?

— Глянь, вон там за кривой осиною, видишь — куст, бери малость правее к пню, там и мостись. Самое раз!

Пошел туда по совету старожила. Осина оказалась прямой как кол, куст, — деревцом, а пенёк — колодой. Расположился, поудобнее расставил удочки, сел на колоду и сию, глаз от поплавок не отрывая...

Нужно заметить, что при ловле на поплавок есть два положения: или сидеть как истукан, дураком, или предаваться каким-либо глубоким думам; например, размышлять о том, куда земля девается, когда палка в землю втыкается или есть ли смысл в том, чтобы о чем-либо спорить с женщиной?

Сколько мне ни приходилось в разных частях света по этим вопросам беседовать с рыболовами, любителями поплавковой ловли, я никогда от них толкового ответа получить до сих пор не мог. Проблемы эти неразрешимы.

Досидел я в таком глубоком раздумье далеко за полдень. Вижу, толку нет, — ни тебе клева, ни тебе духу рыбьего. Грусть полная... Бросил удочки на траву, подхожу снова к пастуху-старожилу, застывшему недалеко, на том же месте, на котором я его оставил.

— Послушай, дед, да здесь, может быть, вовсе и рыбы нет?

— А откедова, сынок, ей здесь узяться? Дохтура гряд, что вода в озере засерилась. Ну рыба значит и того...

— Да какого же черта, забодай тебя твои коровы, ты мне сразу утром так не сказал?

— А чаво сразу, сызмала отцами да дедами приучены, первось пораздумай крепко, а посля чеши языком али дело какое зачинай, — ответствовал мудрый дед.

— Да! — думал я по дороге обратно домой, во время сдвинулись с места, чтобы идти к...

Куда только нас, русских, нелегкая вынесет?

Один Бог знает!
Гжатск 1917 г.

ЧУДАКИ-РЫБОЛОВЫ

* * *

В АМЕРИКЕ и в Канаде, когда едешь летом по дорогам вдоль рек и озер, создается впечатление, что все жители страны, от малыша до глубокого старца, увлечены рыбной ловлей. Рыболовов здесь не счесть. Но это не та рыбная ловля, которой увлекались в прежнее время рыболовы любители. Очарование рыбной ловлей постепенно исчезает; романтиков в рыбной ловле становится все меньше и меньше и в наше время на рыбалке видишь большею частью массовое, бессмысленное уничтожение рыбешки.

Нигде не встретишь большего числа чудачков, как среди рыболовов-любителей. Эти чудачки встречаются на рыбалке донныне везде, по всему свету и среди всех народов. Все они живые, интересные люди.

Вот несколько из них; читатель видит их сидящими за удочками на берегу реки Дуная, задолго до начала Второй мировой войны. На довольно обрывистом, местами, берегу небольшого, заросшего вербой и густым кустарником, островка около Белграда, на широком и глубоком быстром Дунае, на законенной дистанции друг от друга, сидят каж-

дый за своими удилищами (обыкновенно удилиц не больше трех) корифеи рыбного спорта: бывший боевой кавалерийский генерал Барбович; рядом за ним помощник министра торговли д-р Михайлович, чуть подальше от него, восходящее светило Белграда молодой доктор Ф. Вербицкий, далее заядлый рыболов киевлянин инж. С. Адрианов и рядом его компаньон — автор этих рассказов.

А чуть пониже занимает место, лучшее по удобству, владелец магазина в Белграде «Рыба и спорт» инженер Владимир Николаевич Патрикеев. Полный и грузный, он сидит на крепком складном стульчике, на сравнительно низком месте берега.

Перед ним укреплены камнями, поставленные на рогатки три прочных удилица — калькуты с первоклассными шведскими катушками. Лески с тяжелыми грузилами заброшены далеко по течению глубокой реки. Каждая удочка несет свою наживку: одна кукурузную прою (эта на дунайского сильного карпа, другая — крупного червя [эта на всякого рода рыбу] и третья «бубу» (личинка живущая под водой у берегов Дуная), — самая завидная для всякого рода рыбы приманка. Эта третья удочка самая важная, устанавливается всегда справа, ближе к берегу, на нее может влететь очень крупная дунайская рыба вплоть до сома в пятнадцать и больше килограммов веса. Слева от Патрикеева между двумя большими камнями,

на огне, кипит весь день огромный закоптелый чайник, а с правой руки стоят бутылки с красным вином и один стакан. К полудню больше половины из них не стоят, а лежат тут же по близости, пустыми.

Вино поставлено справа, потому что к нему хозяин прибегает чаще чем к чаю. Чайник кипит больше «для близиру» и для гостей. Патрикеев, покуривая, пристально и зорко, не отрываясь смотрит на упругие кончики калькут. На рыбной ловле он не разговорчив.

Владимир Николаевич Патрикеев — слава и гордость рыболовов, непререкаемый авторитет: что «сам» изрек, — квит дело.

До появления его в Белграде в 1926 году никто из нас ловить большую дунайскую рыбу на удочку толком не умел.

О ловле стерляди, которая «паслась» под нашим носом стаями, мы понятия не имели. Крупную рыбу как сомы и карпы до 30 фунтов веса поймав, часто упускали, потому что снасть имели допотопную и настоящей сноровки в руках не имели.

Инж. Патрикеев был до революции в России владельцем известных суконных фабрик (Тертоновских заводов) в Петрограде.

Эмиграция вынесла его в Лондон, где у него сохранился банковский счет, открытый им там для оплаты закупаемой еще до войны Австралийской шерсти. Счет был, по его, толстосума, словам, пустяшный, — всего на

сумму в 150.000 английских фунтов стерлингов. Доказательства этого были выставлены в рамке на стене магазина, где тут же рядом, висела больших размеров фотография и его суконной фабрики в Петрограде.

Кажется, с такими деньгами в кармане, живи себе человек в свое удовольствие и прославляй Бога, но не таков был Патрикеев. Очутившись в Лондоне, он сразу пустился в биржевые спекуляции с австралийской шерстью, а по слухам, еще пристрастился к зеленому карточному столу, и за короткое время остался нищим.

В таких обстоятельствах он заявился к нам в Белград в 1926 г.

Одолжили ему немного денег, и он открыл в Белграде магазин принадлежностей для рыбного спорта.

Тут же в каморке при магазине и поселился. Семья его жила отдельно. Начал он самолично вязать крючки для продажи, выписывать бамбук и делать удилища, связался со шведскими фабриками, посылавшими ему разные принадлежности для рыбной ловли, вскоре обзавелся помощниками — и дело пошло полным ходом.

Сам постоянно ходил на рыбалку, но ловил рыбу как-то не понашему, особым способом, и места для ловли выбирал не так, как мы делали. В Белграде скоро пошла среди рыболовов весть, что появился рыболов — мастер самой высокой марки,

— матадор в рыболовном деле, по словам белградских испанских евреев.

Скоро узнали, что «сам», будучи миллионером в России, так увлекался рыбной ловлей, что изъездил всю Волгу-матушку, был и за Уралом и ловил рыбу в Скандинавских странах.

С этого и началось к нему паломничество. С утра до вечера стал толкаться народ в его магазине. С первого разговора с ним становилось ясно, с кем имеешь дело, а на реке... мы видели такие его диковины, которые нам и во сне не снились.

Был он из староверов, на вид казался человеком суровым, никогда не смеялся, больше подшучивал над рыболовами.

Все наши методы и повадки на ловле, как и наши устарелые снасти Патрикеев сразу назвал допотопными.

На наш вопрос однажды, что он о нас, белградских рыболовах, думает, ответил прямо: — Умными в рыболовном деле вас не назовешь, но и дураками вас также считать нельзя, — так, полудурачье, не имеющее еще понятия о том, что такое рыба, снасть, река и как на ней следует рыболову уместиться, чтобы поймать крупную рыбу, а поймав, — уметь ее вытащить на берег.

Слава его росла, за русскими потянулись сербы — и местные, и из провинциальных городов.

Эти говорили: «Овай рус, заиста, зна свой посао!» (Этот русский, действительно, свое дело знает).

Дела шли блестяще, он очень хорошо зарабатывал, но продолжал жить в той же каморке при магазине. На стенах множились фотографии рыболовов — его учеников, снятых с огромными карпами, судаками, щуками, сомами и мренами.

В день его именин тут же в магазине он устраивал большой прием и обильное угощение. Весь день ели и пили все кто приходил. Его широко прославляли, и вечер заканчивался крупной игрой в девятку.

Когда Белград был освобожден от немцев советской армией ген. Толбухина, многие из русских и сербских рыболовов разъехались. Теперь в его магазине толкались новые его почитатели. Влекомые рыболовной страстью, магазин осаждали советские офицеры. Они пялили глаза на огромную фотографию его суконной фабрики на стене и развешенные всюду трофейные снимки рыболовов и все время приставали к нему с просьбами, ехать с ними на рыбалку. Все они до высших чинов штаба армии были с ним всегда почтительны, знали его подноготную, а когда он говорил им, что не гоже им советским, якшаться на рыбалке с классовым врагом, те смеялись, что, де, рыболовы народ бесклассовый.

Если кто из старых эмигрантов, оставшихся в Белграде говорил ему, что теперешние большевики не такие, как в 1918 году, Патрикеев неизменно им отвечал: «Одного поля ягоды, такими и останутся, пока своим русским умом жить не станут!»

Умер он, кажется, в 1953 году. Читатель еще не раз встретится с его мудрыми поучениями в последующих моих рассказах.

Описываемая группа — белградская рыболовная элита, — ее часто можно было встретить вместе на Дунае, реже, на живописных берегах реки Савы, впадающей у Белграда в широкий Дунай. В любой день недели, достаточно было чтобы один из этих чудаков сказал другому по телефону утром, что там-то и там берется судак или стерлядь, чтобы весь рыболовный улей сразу загудел и сорвался с места. Все мгновенно оставляли свои дела, чтобы немед-

ленно «ехать» и во-время поспеть: хирург, если еще не взял в руки скальпель, переносил операцию на другой день, министр торговли отменял заседание, решающее вопрос о вывозе свиней в Австрию, Патрикеев с помощниками закрывал свой магазин, мой компаньон и я оставляли к большой радости служащих бюро нашего большого электро-технического предприятия и сразу бросались к автомобилю, отвозившему нас к пристани, где стояла наша моторная лодка.

Только с генералом Барбовичем не надо было сговариваться, тот все лето дневал и ночевал на рыбалке и всегда на том месте, где нужно.

Рыболовная снасть всегда у всех была под рукой, наготове, как помпы, шланги и лестницы у пожарных. Не проходило часа, как все были на условленном месте.

Ехали не считаясь с погодой. К погоде относились так, как к ней издревле относятся сербские цыгане: цыган смеется, когда идет дождь, потому что знает, что после дождя будет светить солнце; и цыган плачет, когда светит солнце, потому что знает, что после солнца будет дождь.

Случались дни, когда слух оказывался ложным и клева не было. Тогда все томились. Над удачником, изредка вытаскивающим под пристальным взглядом всех рыбу, издевались.

До слуха счастливица доходили слова, что дураку при всех обстоятельствах счастье само в руки лезет. Говорили «под руку», нарочно, и если «удачник» рыбу, не дай Бог, упускал, то ему лучше бы на свет Божий не родиться, — такого бы он слышался.

О причинах неклевных дней поговорить стоит; о них написано много книг. Почему один день рыба клюет, а другой нет?

Мнения ученых насчет этого расходятся. Одни считают, что клев находится в прямой зависимости от Луны, — смотрит ли она в

этот день на Землю лицом или повернута к ней затылком!

Толкового ответа на вопрос ученые не дают. Сумбурна также на этот счет и народная рыбацкая мудрость с ее приметами.

В Америке и в Канаде, в наше время, летом, рано утром, радио извещает рыболовов, будет ли наступающий день клевный или нет, и какая рыба будет в этот день клевать.

В описываемое время клевные и неклевные дни определяли по разного рода приметам, на месте ловли.

Помогали этому, проезжающие мимо на своих лодках профессиональные сербские рыбаки (Асы). Закурив предложенные им папиросы и выпив стаканчик сливовицы, они глубокомысленно изрекали, что «данас» (сегодня) клева не будет. Раз, они объясняли это тем, что вода в реке «расте» (поднимается), а другой раз тем, что вода в реке — «пада» (спадает).

Из примет, слышанных от этих старожил, вспоминаю только одну — верную, когда они говорили: «Сегодня, брача русы, клева не ждите, потому что с утра, когда мы выезжали из дому на ловлю, все свиньи чесались о стенки хлева».

Патрикеев в таких разговорах участия не принимал, сидел за удочками молча:

«Чем разговаривать по пустому с этими невеждами, вы бы лучше проверили лески», — говорил в таких случаях Патрикеев.

«На правильной ли высоте от дна реки находится на них наживка, не размыло ли течение катки из кукурузной прои, не сожрали ли «бубу» незаметно речные разбойники ерши?»

Не о поведении свиней в хлевах надо рыболову на рыбной ловле думать, а интересоваться тем, что на дне реки происходит, куда рыболов удочку забросил! «Никто чудаку не противоречил — он говорил дело. Царство ему небесное!

НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

в Югославии

ЧТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ

ЛОВЛЯ на удочку стерляди — специальная ловля, для рыболова, удовольствие редкое.

До приезда в Белград В. Патрикеева, о котором я писал в предыдущем рассказе, мы белградские рыболовы о ней понятия не имели.

На ум даже не приходило, что здесь, под самым нашим носом, в Дунае и недалеко от устья Савы, на быстром течении разгуливают стаи, замечательной, по своему вкусу, стерляди.

А мы, беря пример с сербов, гонялись за карпами, которые здесь доходят до 20 кг. весом, и по своей яркой расцветке дунайские карпы не имеют себе равных на всем свете. И по вкусу также.

«Великий мастер» высокого посвящения в рыболовном искусстве Патрикеев, нюхом сибирского старовера сразу определил «золотые россыпи», отыскав для стерляди есте-

ственную наживку — «бубу» — (желтенькие личинки, живущие под водой в норках глинистого, обрывистого берега Дуная и устья, впадающей в него Савы).

Он собрал группу самых смекалистых рыболовов и мы поехали на пробу. Расположились на берегу небольшого островка на Дунае. Нашему удивлению не было границ, когда, далеко забрасывая на быстрое течение лески, мы без перерыва стали вытаскивать двух, трехфунтовых стерлядок. Они подпрыгивали высоко в воздух когда мы их тащили из воды, выскочив из воды, змейкой извивались в воздухе, красиво поблескивая золотой чешуей в лучах яркого солнца.

Скоро обнаружилась неожиданная беда: в ловлю постоянно вмешивалась всякая другая рыба, начиная от маленького серебристого ершенка, вплоть до пудового сома. Против этого последнего мы ничего не имели, но прежде чем сом мог бы раскачаться, стоя проворных ершей срывала бубу с крючка — наживка не успевала лечь на дно, где ее могла взять стерлядь. Разбойники ерши съедали ее раньше этого.

С этой поры на островок и зарядили регулярно ездить. Здесь все время ловилась и другая крупная рыба.

Берег здесь был обрывистый, испещренный дырочками-норками бубы — излюбленной стерляжьей пищи и самым лучшим лакомством для всякой дунайской рыбы.

На берегу умачивались рядом, на строго законном друг от друга расстоянии. В этот «калашный ряд», никого постороннего не допускали. Здесь восседали такие матадоры, как сам «великий мастер» Патрикеев, легендарный кавалерийский генерал Барбович, заканчивающий боевую славу мирной славой рыболова, в ряду сидели молодой доктор Ф. Вербицкий, начинавший в то время приобретать славу талантливого хирурга (сын профессора Вербицкого), д-р Михайлович, заместитель министра торговли Югославии, которого летом в кулуарах министерства и с огнем часто нельзя было отыскать, и, конечно, не последнее место в этом высоком обществе занимал, тогда еще совсем молодой, автор этих записок рыболова.

С ним никогда не расставался и его компаньон инж. С. Адрианов, киевлянин, с раннего детства помешанный на рыбной ловле, и ничему в жизни не придававший большого значения, чем рыбалке.

«Великий мастер» обыкновенно первым выбирал себе удобное для забрасывания удочек место, а остальные размещались поблизости, придерживаясь разных рыболовных примет, сохраняемых каждым в глубокой тайне.

Патрикеев усаживался на складной стульчик у самого берега так, чтобы вытаскивая из реки пойманную рыбу, как бы велика она ни была, ему не надо было со стула вставать; все рыболовные маневры он произво-

дил сидя, тихо и спокойно, без суеты и волнений. Терпение его при замаривании пойманной рыбы в воде было сверхрыболовное. Заморив рыбу до полного изнеможения, он подводил ее к самому берегу и, сидя на складной скамеечке, держа в левой руке удилище, правой поддевал ее подсакom и ловко выбрасывла на берег. Я не знаю случая, чтобы он упустил пойманную рыбу.

Случись с одним из нас нечто такое, упусти неудачник рыбу, грех неисправимый. От одних издевательств и насмешек можно было провалиться сквозь землю.

Вспоминается такой случай на этом острове: попался мне крупный и сильный трехкиловый карп, и замарывая его в воде довольно долго, я слишком близко приблизился к обрывистому зыбкому берегу Дуная. Неожиданно под моими ногами большая глыба рыхлой земли обвалилась и я полетел вместе с землей в быстро текущую глубокую воду.

Проплыв метров триста по течению, я выплыл на мелкое место и весь продрогший (была уже поздняя осень) выкарабкался из реки на пологий берег.

Тут только заметил, что удочку с карпом я из руки не выпустил. Медленно, весь мокрый, я стал рыбу подтягивать к берегу и вскоре вытащил ее.

Возвращаясь с рыбой к моему месту в ряду «корифсеев», я услышал: «Этого типа надо из нашего общества вышвырнуть вон!

«Вы видели как его рыба стащила в воду, это рыбака-то? Прочь его с наших глаз и квит дело!» Позор для рыболовов!

Тут уж мое терпение лопнуло: «щучьи вы все дети, совести у вас нет, никто из вас не бросился меня спасать, ведь я мог утонуть на ваших глазах!»

«Посмотрите! Этот тип еще и неблагодарен, а спасся только нашими молитвами. Не молись мы все время, пока рыба его черт знает куда волочила, где бы он сейчас был!»...

Насмешки надо мною продолжались все время, пока я, разведя костер, сушил мою промокшую одежду.

Женского пола здесь не было, атмосфера была «духовная» и народная русская речь парила в воздухе свободно. За словом я в карман не лез.

Все такие сцены происходили от скуки и возникали часто без всякого повода. Сидим бывало и покуриваем себе, вдруг слышим, как д-р Вербицкий говорит так просто «на ветер»:

«Всюду поразводилось жулье, никому нельзя верить, купить в городе пару хороших крючков невозможно.». (Вся снасть покупалась у тут же сидящего инж. Патрикеева, державшего магазин «Рыба и спорт»). «Старый черт дерет за все в три дорога, а крючки разгибаются и рыба срывается».

Патрикеев слыша это, мрачно молчит. Хирург продолжает его задирать дальше: «Попадешься ты когда-нибудь ко мне на операционный стол, я те вырежу аппендикс, а брюхо такими застешками скреплю, что все до последней через день разойдутся».

Тут уже старик Патрикеев не выдерживает, разговоры про болячки он не уважает, суеверен, и поэтому отгрызается также «на ветер»:

«Дело совсем не в том, на какой крючек попалась рыба, а у кого в руках удочка. Безмозглый рыбу и на трехдюймовый крючек вытащить из реки на берег не сможет. Обучить человека как у ближнего своего, извините за выражение, мочевого пузыря вырезать — плевое дело, для этого большого ума не нужно... Берутся тоже о крючках рассуждение иметь некоторые».

Прослышали вскоре, что стерлядь, и при этом крупная, хорошо ловится в сезон и на Сава, недалеко от ее впадения в Дунай, где Сава суживается и быстрым течением между скалистыми берегами стремится на соединение с большой рекой.

Узнали также, что в этом месте на берегу в рыбацьем шалаше постоянно живет какой-то русский рыбак, занимающийся ловлей стерляди для продажи.

Снарядились к этому месту дня на три на моей просторной моторной лодке.

В состав первой экспедиции вошли я и мой компаньон Адрианов и трое именитых гостей — приятелей: Алексей Ксюнин (Суворинский журналист — НВ.), Женя Жуков (журналист Московского РС.) и Володя Садыков, бывший во «время оно» личным секретарем председателя Госуд. Думы Родзянко. — У этих было чего на рыбалке послушаться.

Отплыли рано утром и были к первому завтраку у цели. Хозяином шалаша, ютившегося у самого берега, оказался наш русский — полковник белой армии, служивший в штабе главнокомандующего ген. Деникина. Познакомившись с нами, он не скрывал своей радости от встречи в такой необычайной обстановке.

Он сразу показал нам свои садки с сотнями наловленной стерляди и просил быть у него в шалаше, как у себя дома. Свой шалаш он называл «мое палаццо».

Полковник сразу предложил нам нажать стерляди, но мы из деликатности отказались и пригласили его сначала отведать нашу рыбацкую полевую яичницу, к приготовлению которой на шесть персон я приступил немедленно, как только ритуал знакомства был закончен. О яичнице этой надо сказать несколько слов, так как она была у нас традиционной и приготавлилась без затей: на огонь, разведенный между двумя камнями ставилась большая чугунная сковорода.

рода, в которую я бросал фунта два сливочного масла и клал нарезанные кружками кусочки помидор, затем бросал на них ломтики ветчины и как только они начинали поджариваться, разбивал и бросал яйца из расчета десятков на едока.

Эту сочную яичницу солили, перчили и посыпали мелко изрубленной свежей петрушкой и укропом.

По обычаю перекрестившись, ели прямо со сковороды русскими деревянными ложками, чтобы не обжечься.

Такую полевую яичницу вы нигде в ресторанах не получите и никакая домашняя хозяйка также приготовить ее не сумеет, разве что перед тем умом рехнется.

Почему дома каждому рыболову всегда до смерти скучно? Потому что, такой яичницей дома его жена не балует.

Не знаю, стоит ли здесь упоминать о выпивке? Ее нам никогда на рыбалке не хватало, хотя запасались ею, идя в плавание, всегда строго держась мудрых заветов предков: едешь в дорогу на день — выпивки бери на неделю. Мало ли что может в пути случиться.

В эту двухдневную поездку выпивки не хватало два раза, и за нею мотался в ближайшее сербское село сам хозяин с наказом тащить вина столько, сколько он дотащить в силах. На свои собственные силы он мало полагался, потому что каждый раз за ним

плелись сельские мальчишки, тащившие в руках корзинки с бутылками.

Наскоро перекусив полевой яичницей, нас двое рыболовов расспросив хозяина, где и как в этом месте ловить стерлядь, сели в моторную лодку и отправились на ловлю.

Наших гостей мы оставили с хозяином допивать вино и хорошо поспать до вечера.

Стерлядь в этот день бралась как одурелая, и я никогда не забуду эти два дня проведенные на Саве.

Мы вернулись к шалашу когда солнце уже скрылось за горизонтом.

Перед шалашом стоял большой стол, с трех сторон которого горели три костра для разгона комаров; тут же на огне висел котелок, в котором кипела вода, а рядом стояла корзина с наваленной в нее хозяином стерлядью.

Ждали меня, знавшего как варить стерляжью уху «по венгерски». Не теряя понапрасну времени, я бросил в котел пару луковиц, лаврового листа и красного перца, а затем наполнил его не считая стерлядками. Когда эта первая партия на медленном огне разварилась, я процедил этот рыбный бульон через сито, всю разваренную рыбу выбросил и в бульон положил вариться новую стерлядь, по две на каждого. Этой уже не дали долго вариться, чуть-чуть, чтобы ее есть неразваренной. В эту уху порезали пару помидоров кружочками для приобретения уху розово-золотистого цвета.

Вкус такой стерляжьей ухи объяснить постороннему человеку невозможно, разве что купцы рыбопромышленники, волжские, это поймут. Котел с ухой поставили на стол и вооружившись деревянными круглыми ложками начали ее из общего котла хлебать, а когда всю расхлебали, вынули неразварившуюся стерлядь на тарелки, разлили по стаканам белое смедеревское вино и приступили к трапезе. Ели все молча, как зачарованные. Слышно было только, как в воздухе свистели сверчки.

Да! сказали некоторые. Как в сказке вечер. Чудесно на свете все устроено.

Теперь пришла пора передохнуть — (человек не свинья — он нуждается во время еды в передышке).

Тут и начались разговоры.

Первым был затронут вопрос, почему потерпели поражение в гражданскую войну и очутились здесь в Белграде?

Полковник считал, что причиной провала — черт, помутивший мозги штабных, которые вместо того чтобы вести армию на соединение с армией адмирала Колчака, повели ее сразу на Москву. Конечно, при этом и «англичанка» нагадила, сказал знаток военной стратегии. Журналисты доказывали, что причина поражения в том, что главное командование мало прислушивалось к мнению либеральной печати, которая предупреждала...

Когда же я по молодости лет брякнул, что вообще гражданскую войну и начинать

не следовало, ибо было ясно, что это дело гиблое, то на меня все махнули рукой, как на человека, сующего свой нос в дела, которые он не понимает. А понимать тут было нечего, враги-союзники сначала нас предали, а затем толкнули на самоуничтожение...

Разговор о былых поражениях велся не долго, перешли к злободневным, по тому времени, темам.

Душой компании был Евгений Андреевич Жуков, который и выбил на весь вечер у всех инициативу разговора. Он занимал в Белграде пост директора Югославянского театрально-концертного агентства. Кроме того он был журналистом. Как раз в это время в Белграде происходил съезд русских писателей и журналистов, съехавшихся из Парижа и других больших городов Европы.

Талантливый рассказчик Жуков поведал нам, как приехавших на съезд высоких гостей принимал король Александр и какой степени орденами св. Саввы он награждал того или иного русского писателя.

Он рассказал нам, как прищуренно с большим шармом смотрела на заседаниях через лорнет на собравшихся, ища «живые лица» З. Н. Гиппиус, как «надувается» на собраниях Мережковский и о том, что испробовав все югославянские вина А. Куприн нашел их по вкусу самыми лучшими на свете.

Жуков был большого размаха театральный деятель, ему было что рассказывать. Че-

рез «его руки» в то время прошли такие гостившие постоянно в Белграде гастролеры, как Ф. И. Шаляпин, Анна Павлова, Карсавина, Клотильда и Александр Сахаровы, блиставшая в то время на европейских сценах изумительная «Кармен», Елена Садовень, Мария Николаевна Кузнецова, так много сделавшая для прославления русской оперы за границей, пианист Орлов, знаменитый виолончелист Енрико Майнард, все известные в мире дирижеры и многие, многие другие мастера театрального искусства.

Весь вечер мы слушали разные истории из жизни артистов, прославившихся на весь мир. Чем, чем, а этим мы, слава Богу, были в эмиграции богаты.

Во время оккупации немецкими войсками Белграда, Жуков был арестован гестаповцами и сослан в лагерь Дахау, откуда после поражения Германии вернулся в Белград и занимался снова устройством концертов, он был одно время постоянным корреспондентом «Нового Русского Слова», вплоть до его неожиданной смерти в 1953 г.

Другой день не описываю — он был во всем повторением первого, с той только разницей, что у некоторых болела голова не то от солнца, не то от чего-то другого.

У нас, рыболовов, привычных ко всему, она не болела и мы весь следующий день с утра до вечера провели снова на ловле стерляди.

Рано утром третьего дня, мы сердечно распрощались с гостеприимным хозяином, просящим нас почаще наведываться в его «палаццо» в гости. Напившись утром кофе, поблагодарили полковника и отплыли в самом лучшем настроении домой — в Белград.

Теперь, выйдя из ущелья, мы шли по течению, ставшей широкой, реки Саввы.

Она рвалась из скалистых оков к Дунаю.

В местах, удобных для купания, останавливались, чтобы освежиться в чистой и прохладной воде.

Это было задолго до Второй мировой войны, многих из нас развеяло по всему свету, а многие отошли к вечному успокоению.

Русские любили свою вторую родину — Югославию, и вынужденные событиями расселиться в других странах, сорок тысяч русских людей сохраняют до сих пор добрую память об этой стране и теплую любовь к ее народам.

Спросите их, и они все подтвердят вам мои слова.

Югославия, 1930.

МОЯ ПЕРВАЯ РЫБАЛКА В КАНАДЕ

— — —

ОСТАВИЛ мою вторую родину — прекрасную Югославию в конце 1950 года. Прожив долгие годы в Белграде, расположенном на слиянии двух больших рек: Дуная и Савы, я много времени отдал рыбной ловле, — спорту, ведущему человека прямым и приятным путем к доброму здоровью и долголетию.

Последние два года перед моим отъездом из Югославии в Париж, я жил в Словении — на самом берегу чарующе красивого горного озера Блед. Я дружил с смотрителем за рыбной ловлей на озере, знатоком рыболовства, весельчаком Тони. Когда-то Тони отбывал военную службу в австрийском императорском флоте матросом, и его привычкой было к вечеру ежедневно напиваться вина до отказа. Напившись, Тони хотел так, что его смех с лодки был слышен по всей окрестности. За два года нашей дружбы, я узнал от него много ценного о жизни и повадках разных рыб, которыми было полно глубокое Бледское озеро.

Ежедневно, кроме зимних месяцев, после службы, я ловил, где хотел, в озере крупных судаков и щук прямо с берега. Иногда, взяв с собою два три литра вина, мы с Тони вместе ловили их с лодки на троллинг. Он попивая вино вяло греб, а я троллировал. Рыба бралась редко, но зато крупная — судаки до 5 клг., а щуки и до 12 клг.

Приехав в Париж, я на другой день по приезде уже сидел на набережной Сены, где торчали рыболовы парижане. Я плохо сознавал, что я делаю. Сбил меня с толку вид парижских рыболовов.

Чего только у них не было: и складные стульчики, подсадчики, термосы с кофе, плоские бутылочки с коньяком, и костюмчики на них были соответствующие рыболовному званию, специального покроя и даже наживка у них была какая-то, извините за выражение, лабораторная. Она находилась при них тут же в стеклянных баночках, в которых лежали какие-то зародыши животных, или жучки, одним словом, черт знает что, только не наживка на рыбу.

Сам я забросил леску на поплавков, нацепив на крючек червя, поблизости в парке лично выкопанного.

Собрав свои мысли в порядок, глядя на красивую моторную баржу, проходившую по Сене перед самым моим носом, я задал себе вопрос: Что в таком дурацком месте можно выловить?

Ответа на этот вопрос долго ждать не пришлось, я вытащил маленького пискаря, потом другого... Таков улов даже кошке домой принести неудобно. Вот здесь и родилась у меня идея оставить навсегда Францию и переехать на жительство в Канаду — страну рыболовам обетованную. И я не ошибся. Уже в Халифаксе, куда я прибыл, канадский таможенный чиновник, подойдя для осмотра моих шести чемоданов, никакого внимания на них не обратил, сразу уставившись на чехол с моими удилами. Это были первоклассные калькуты, не нейлоновые, какие теперь продаются. К ним было пристегнуто еще и небольшое цинковое ведерце для живцев, таскаемое мной из самого Белграда, где оно было сделано по специальному заказу.

Потрогав удочки, канадец улыбаясь сказал: «Сэр, здесь вы найдете что половить. Если у вас в чемоданах нет алкоголя, можете проходить к выходу». Парень, видно, был сам из рыболовов, симпатичный, с открытым радостным лицом.

Местом для жительства в Канаде я избрал Монреаль, — прекрасный город на большой и глубокой реке Св. Лаврентия.

Не успев еще даже устроиться, я сразу же отправился на рыбную ловлю, вслепую, как говорится: не зная броду, полез в воду. Доехав до середины длинного моста я спустился с него на остров Св. Елены, покрытый старым и густым лесом, одним своим

извилистым берегом примыкающим к главному руслу реки, а другим, очень красивым к широкому рукаву реки. В то время на острове царила тишина. Он тогда еще жил вдали от цивилизации, дремал, сохраняя французскую романтику Канады. Он весь был в первобытном своем виде. Тут я и уместился, выбрав место среди скалистой части берега, обращенного к заросшему кустарником рукаву реки. Быстрое течение прозрачной воды, глубина и полная тишина вокруг говорили мне, что здесь должна по дну проходить вверх по течению крупная рыба.

Но какая, и на какую приманку ее на быстром течении ловить? Остановился на одной удочке с тяжелым грузилом, на один фут поднятым от дна надвязкой, длиной около метра и привязанными к ее концу тремя маленькими крючками, на которые нацепил в длину крупного живого червя, дав ему возможность извиваться в воде у самого дна, чистого от травы.

Я не ошибся, рыба здесь была. Весь день влетали на удочку крупные окуни, небольшие судачки, щуки, а под вечер поймался к большому моему изумлению шестифунтовый осетр. Увидев его в прозрачной воде, я пришел в неописуемый восторг понятный только рыболову..!

Теперь я твердо знал, что судьба направила меня в Канаду, по Высшей какой-то воле и что жить мне надо до скончания моего

века в этой стране. Если здесь, у города такое делается, что же внутри страны на многочисленных ее озерах меня ожидает.

Вскоре после того я познакомился с первым рыболовом канадцем; им оказался еврей, выходец из России, владелец небольшой фабрики, изготовлявшей готовое платье в Монреале. Выслушав мой рассказ о первой рыбной ловле, Иосиф Давидович отнесся к нему довольно иронически. Это не рыбная ловля, а смех один, сказал он, завтра если хотите, мы поедем на рыбалку вместе. У меня свой автомобиль, я заеду за вами в полдень, через два часа мы будем на месте, а к вечеру мы вернемся обратно в Монреаль. Вашу рыболовную снасть с собой не берите, мы поедем на ловлю шук, а у меня есть для вас второй троллинг.

Он был точен, когда на другой день, ровно в полдень заехал за мной. Выехав за черту города, он повел машину с такой скоростью, что мне стало страшно. Часа через два после бешеной езды мы остановились у выхода с автострады на проселочную дорогу. У поворота к стволу старого дерева была прибита белая доска в форме большой рыбы с надписью: «Св. Петр». Нос рыбы показывал узкую дорогу. Проехав по этой дороге миль пять мы оказались у домика на берегу небольшой речки, заросшей с обеих сторон кустарником, за которым всюду простирался густой лес. Кругом было пустынно. Из до-

мика к нашему автомобилю подошел француз. Он, повидимому, хорошо знал моего приятеля, потому что без лишних разговоров, быстро подал к мосткам моторную лодку, привязанную к буйку тут же. Мы сели и сразу отъехали от берега взяв направление против течения реки.

— Теперь слушайте, сказал Иосиф Давидович, --- реке этой конца краю нет, я веду моторную лодку, мой троллинг я пушу справа по борту, ваш вы пускайте с левого борта. Мы все время, часа полтора будем плыть по фарватеру реки, затем столько же обратно тем же путем. Как видите, с одной стороны берег реки зарос густыми водорослями, местами они касаются поверхности воды. В этой густой речной джунгле, притаившись стоят на страже щуки, их там «миллион».

За тридцать лет моей жизни в Канаде тысячи я их поел, приготовленными моей женой «по-еврейски». Оставшиеся живыми будут бросаться на блесну из этих зарослей. Блесну держите от травы на расстоянии около одного ярда и на таком же расстоянии в глубину от поверхности воды. Быстроту хода лодки регулировать буду я сам. Когда рыба схватит блесну, говорите «стоп». Я останавливаю тогда мотор, а вы выбираете быстро леску с рыбой, а я свой холостой троллинг, чтобы нам не зацепить удочки за траву или какую-нибудь корягу на дне. Если рыба возьмется у меня, я говоря «стоп», останавливаю мотор,

и вы проделываете с вашим холостым троллингом ту же операцию. Надеюсь, что вы рыболов толковый и дело у нас пойдет как по маслу.

Теперь, выпускайте свой троллинг, приблизительно метров на 50, начинаем. Поехали! Не прошли и двухсот метров, как он остановил мотор и начал быстро выбирать в катушку леску с рыбой, а я свою пустую. «Берите в руку сачек и осторожно подхватите рыбу», слышал я команду кормчего. Снимая с блесны пятифунтовую щуку он сказал: «Первый звон чертям разгон». Снимая вскоре вторую такую же, сказал: «второй звон, перекрестись и дело зачинай» и к моему удивлению перекрестился.

— Я вас принял за еврея, а вы креститесь по православному.

— А это по привычке, — объяснил Иосиф Давидович, — я родился в Киеве, в богатой еврейской семье и до революции, няня у меня была хохлушка, бабушка Алена. Когда я совсем малышом гулял с ней по улицам, она у каждой церкви останавливалась и крестилась. Я до сих пор слышу ее слова, обращенные ко мне: «Чого ты нэ хрестишся, вид того биды тобі не станэ»!

— А откуда же это у вас прибаутки про звон и чертей? — спросил я.

— А это я запомнил с детства от хлопцев, с которыми ловил рыбу на Днепре, на берегу которого мы всегда проводили лето на даче.

Вскоре и у меня пошло дело так, как полагается ему идти, после второго звона. На всякий случай, следуя примеру Иосифа Давидовича, я также перекрестился после него. Приметы в рыболовном деле играют большую роль. Приблизительно через каждые пять минут приходилось останавливать мотор, чтобы вытащить очередную щуку, иногда и вторая хватала на ходу блесну выбираемого «холостого» троллинга.

Мы не заметили как пролетело время, солнце спускалось к закату. Повернули обратно, но щуки стали браться реже. Приятель объяснил это тем, что в темноте они теряют видимость или пошли спать.

Не без труда, уже при сумерках добрались до фермы француза и отыскивали досчатые сходни пристани, где оставили свой автомобиль. Подъехав к пристани, перенесли в багажник машины около 30 щук хорошего веса, расплатились с французом за моторную лодку, распили с ним несколько бутылок пива и вернулись часам к 11 ночи домой в Монреаль.

Описанная мною рыбалка оставила у меня навсегда впечатление какой-то молниеносной рыбной ловли. После этого я еще только один раз ездил с Иосифом Давидовичем на такую же ловлю на щук, на ту же самую речку, и с тем же результатом.

Такая рыбалка больше уже меня к себе не привлекала, — в ней я не находил роман-

тики, она лишена очарования и красоты рыбной ловли. Такая рыбалка скорее напоминает налет грабителей на какой-либо банк — подъедут в автомобиле, ворвутся внутрь, ограбят и уедут. Такая рыбалка тоже, конечно, спорт, но «Федот да не тот». Не хватает тут чего-то! Я знаю чего, нет тут очарования рыбной ловли.

Когда я после второй такого рода рыбалки сказал это моему милому приятелю канадцу, он посмотрел на меня с удивлением, засмеялся и ответил:

30 щук за 4 часа ловли, — разве это не романтика, чудак вы!

1951 г. Канада

ОСЕТРЕНОК ФЕДЬКА

АК он попался мне на удочку на реке св. Лаврентия, да еще на червя, — умом не раскинешь, пальцами не растычешь, — сказал как-то приятель по рыбалке.

Мы ловили с ним рыбу из лодки, в милях десяти от Монреаля вверх по течению реки, у начала речного пути к большим озерам. Солнце уже простилось с днем и начинало опускаться за горы, раскрашивая всеми цветами радуги плывущие по небу облака. Хотелось еще посидеть на большой реке, спешить было некуда, и я попросил приятеля рассказать мне подробнее о редкой в здешних местах поимке осетра.

Осетр — рыба наша, русская. Родиной осетра является Днепр, Дон, Волга с Каспием, да реки сибирские. Там осетрищи пудов шесть, а то и побольше. Герою же нашего рассказа, было по весу, не более семи фунтов.

Осетр — рыба смышленная, как мне часто приходилось слышать от донцов, — рыба с понятиями. «Осетренок любит играть в воде; заведя извивающегося в струе чер-

вя, он и затеял такую игру с ним и так, забыв об осторожности, зацепился своим мягким брюшком за острый крючек», — сказал мой приятель.

— И что же вы с ним сделали? — спросил я его с любопытством любителя рыбных блюд.

Мне сразу пришло их на память четыре: два холодных и два горячих, обязательно значащихся в меню первоклассных русских ресторанов больших городов: осетринное заливное и отварная холодная осетрина под хреном; отварная горячая осетрина в томатном соусе с отварным горячим картофелем к ней и «осетрина по монастырски».

Это последнее особенно вкусно и о нем стоит поговорить. Изобретено это блюдо, судя по его названию, видно, не ресторанным поваром, а каким-нибудь настоятелем монастыря или архиереем гурманом из людей именитых, задавшихся целью усладить дни изнурительных постов каким-либо «постным» удовольствием для высшей монашеской братии.

Приготавливается оно так: осетрина отваривается сначала куском минут десять. Кусочки отваренной рыбы затем кладут в глиняную неглубокую посудину, туда же вперемежку с рыбой ломтики белых грибов, каперсы, лавровый лист, гвоздичный перец, укроп, ломтики лука и порезанные кружочками соленые огурчики, а сверху нарезают не-

много нарезанного ломтиками отварного картофеля. Все это перчится, солится, заливается белым соусом (бешамелью) и ставится в духовку, где и запекается до появления легкого румянца, показывающего что «осетрина по-монастырски в аккурат поспела». Только всего и дел. Соленые огурцы употреблять не какие попало, а русского засола, еще лучше «тыквенного», монастырского.

Светлейший князь Потемкин, по преданию, посылал за такими огурцами нарочных, а предки наши такой огуречный рассол ковшами с похмелья пили, чтобы пьяную дурь из головы вышибить.

Нашего осетренка, как увидит ниже читатель, судьба не привела закончить жизнь в таком утонченном, вкусном блюде как «осетрина по-монастырски»...

«Я принес осетренка домой живым», — сказал мой друг. — «Он не был серьезно ранен, ибо попался за брюшко и когда я, наточив в ванну воды, пустил его туда, он сразу стал в воде резвиться, ища чего бы ему здесь поесть.

Не прошло и одного дня, как он в ванне обжился, стал узнавать домашних, ел хлеб с подмешанным к нему сыром, ел и червей, а вскоре начал хватать пищу из наших рук, выбрасывая из воды голову.

Мы с женой назвали его Федькой.

Детей нам Бог не дал, так вот не было печали так....!

Укладываясь спать, жена спрашивала: «Ты хорошо закрыл выпускное отверстие в ванне, вода за ночь не вытечет, Федька же без воды, пока мы утром не встанем, не выдержит?»

Сам я часто ночью вставал и шел в ванную посмотреть, что Федька делает, спит ли он?

Когда нам нужно было мыться в ванне, Федьку временно водворяли в небольшую пластиковую ванночку с водой, где он терпеливо ожидал окончания нашего туалета.

Вопрос, что нам делать с осетренком, с каждым днем усложнялся. Держать его дальше в ванной становилось хлопотливо.

Убивать и жарить осетренка жена наотрез отказалась. «Если бы мне пришлось умирать от голода, то и тогда я не стала бы эту рыбу есть. Вчера, когда я вошла в ванную, Федька от радости чуть было не выпрыгнул из воды ко мне на руки, — разгона только ему в ванне для этого не хватило», нежно сказала жена.

Я также, несмотря на очень большой соблазн поесть осетрины, не мог даже подумать о том, что Федька лежит на столе передо мной, на тарелке в жареном виде. Одна мысль об этом приводила в ужас.

Из создавшегося положения выручила мать жены, посоветовавшая отдать осетренка соседям. Соседи взяли рыбу и предложили вечером зайти к ним на ужин. Мы с женой от ужина

деликатно отказались, заметив, что осетр мал и в нем, собственно говоря, и есть нечего.

Каково же было наше удивление, когда соседи на другой день вернули нам осетренка, сказав, что рыба, пробыв в холодильнике целых полдня, все еще жива и ворочает глазами.

«Живую рыбу я чистить не могу», — сказала соседка, отдавая назад рыбу.

Мы с радостью взяли осетренка обратно и пустили его снова в воду. Там он скоро пришел в полное сознание и стал резвиться в ванне, как ни в чем не бывало.

«Чего Бог не хочет, того к коже не пришьешь», — сказала, удивленная случаем, мать жены. Затем, немного подумав, изрекла: «Отвезите и бросьте его сердечного обратно в реку, — чего проще!»

Так и решили поступить, с большой радостью.

Утром Федьку хорошо из рук накормили, сунули в чистую наволоку, обложив его голову мокрой тряпкой, сели с женой в автомобиль и повезли к реке.

Жалко было нам с осетренком расставаться, привыкли к нему за две недели. Жена расплакалась, когда я вынимал на берегу Федьку из наволоки. Подойдя к берегу, я сначала погрузил осетренка в воду, держа его в руках за бока.

Вода всему господин: воды и огонь и вино боится, а Федька воды не испугался. Когда я отнял от него руки, он с минуту, а то и все две, неподвижно оставался стоять

на месте у берега, очевидно, прикидывая, что он должен теперь делать, став «рыбой в воде»? Затем, резко шевельнув хвостом, развернулся против течения и медленно поплыл в глубину.

Мы стояли и смотрели ему в след, жена не хотела уезжать от берега, говоря, что он может еще вернуться обратно и что она видела, как он два раза обернулся назад и на нас посмотрел.

Но это, думаю, она от расстройства женских чувств так сказала, «я этого не видел», хотя и пристально смотрел вслед рыбе.

— Не помните ли вы, в какой день это было, когда вы осетренка поймали? — спросил я расчувствовавшегося рассказчика.

— Это было 20 июля, как раз на Ильин день, легко запомнил, ибо это день моего рождения, — ответил он.

— Неужели вы, старый рыболов никогда не слышали, что на Ильин день в старину наши крестьяне в поле скот не выгоняли из-за боязни всяких гадов, чтоб не наводить на него порчу. Рыбу ловить на Ильин день также не полагалось, ибо волшебницам дана была в этот день воля всякие наваждения на рыб напускать?

Вот то-то и оно-то, здесь и зарыта собака! Мой дорогой друг, — сказал я наморщив лоб и приняв вид мудреца.

Стемнело, мы подняли якорь и поехали к берегу — месту, где оставили наш автомобиль.

Мало ли что говорят люди, думал я дорогой, рыболовов слушать — осла на плечи взвалить. Но в этой истории, рассказанной мне приятелем - рыболовом, несомненно крылась какая-то загадка.

История не была его выдумкой.

Не был ли осетренок на Ильин день нарочно подослан речными волшебницами, чтобы побывать на суше и посмотреть — на что похоже существо, созданное «по образу и подобию Божьему» и называемому человеком, а затем вернуться обратно и о всем виденном на земле рассказать в рыбьем царстве?

(Из которого, по утверждению ученых — материалистов, человек произошел).

Хорошо, что замороженный волшебницами осетренок провел две недели у добрых, простых людей и не видел жадных, злых и жестоких.

Это большое счастье.

Канада, 1971.

РАЗГОВОР РЫБОЛОВОВ НА РЫБАЛКЕ

— • —

Забавных чудачков в свои
часы природа сотворяет...
(Шекспир)

«И НИГДЕ их не встретишь в большем числе, как среди рыболовов всех стран.

Встречаются среди них, часто, настоящие философы.

В раннем детстве, мальчиком, стремясь при каждом удобном случае затесаться между черноморскими рыбаками, я всегда с открытым ртом слушал их остроумные разговоры, пересыпанные народными прибаутками и непринужденным смехом.

Я не мог надивиться легкому нраву этих мужественных, жизнерадостных и веселых приморцев.

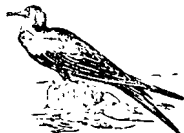
Поэтому берусь утверждать, что слова французского писателя, пессимиста Шамфора: «Счастье дается нелегко: очень трудно найти его в себе, и невозможно в чем-либо другом», — к рыболовам никакого отношения не имеют.

Рыболовы всего света владеют секретом счастья, они все, более или менее, чудаки или весельчаки, чувствующие радость в жизни.

Да это и понятно, — ученик Платона, великий философ Аристотель, утверждал, что необходим досуг, чтобы могла явиться философия, а где же его найти больше, чем у человека с удочкой. В этом смысле учил и Платон, что ум наш питается по-настоящему только природой.

Нет более интересных страниц философской книги, кроме тех, которые под открытым небом своим любимцам открывает природа, как только они остаются наедине с рекой, озером, морем или девственным лесом.

Когда рыболова влечет на рыбную ловлю какая-то сверхчувственная сила, — это прежде всего, — «тоска по мысли», неугомонной, **свободной** и радостной.

Как-то сидел я с одним старым рыбаком далматинцем в тени, у порога его каменного домика, уютившегося у самого берега юдного из островов на Адриатическом море. Запивая белым вином, мы ели с ним устрицы. Брали их прямо из полной, стоящей у наших ног корзинки. Открывали каждый свою, легонько выдавливали на нее несколько капель лимона, подносили пахнущую морем половину раковины ко рту и бесшумным воздушным вздохом проглатывали шевелящуюся устрицу.

Томная, августовская, полная очарования тишина царила вокруг. Воздух был наполнен непрерывающим треском цикад и сама жизнь представлялась остановившейся.

Когда показалось дно корзинки, я, любуясь морем и голубым небом, спросил барбу (дядю) Николу, почему Иисус Христос открыл Свое учение простым галилейским рыбакам, а не книжникам и фарисеям?

Барба Никола мне просто ответил: «природного дара у них нет познать, что Бог — творец всего величия и красоты природы.

— И радость наша тоже от Него»...

А осенью того же года, заночевали мы с приятелем как-то на берегу одного небольшого, затерявшегося среди дремучего леса канадского озерца. Наловили форелей на блесну с берега, поужинали, решили скоротать ночь до утра, чтобы спозаранку продолжать ловлю. Сидим на берегу, покуриваем и болтаем между собой о всем, что приходит в такой обстановке в голову...

Егор Егорыч — знаток литературы, вспоминает Щедрина, его «Губернские очерки». Память у Егор Егорыча поразительная. Есть в очерках такой разговор со стариком, простым отставным солдатом: «Нет того на свете знамения, которое бы, по Божьему произволению, случиться не могло!

Только заверить трудно, потому как для этого надобно самому большую простоту в сердце иметь, — тогда всякая вещь сама тебе

объявится. Иной человек ума преизбыточного, а идет, примерно хоть по полю, а ничего не замечает. Потому как у него в глазах и ширина, и длина, и высь, и травка, и былие — все обыдень дело...

А иной человек, умом не злокозненный, сердцем бесхитростным действующий, кроме ширины, и долины, и выси, слышит тут гласы архангельские, красы бестелесные зрит. Пташка Божия тебе песенку поет, ветерочки легкие главу остужают, листочки звуками тихими в ушах шелестят... и столько становится для тебя радостно и незаботно, что даже плакать можно».

— Верите ли вы, господа, в ангельскую красоту земли, — в материнскую ее красоту? — задает вопрос Егор Егорыч любуясь проплывающим близко от нас выводком диких уток. — А я вот верю. Вглядитесь внимательно во все вокруг. Каждая тварь живет на свой почин и какое-то свое дело делает, так ей-то положено: муравью запасы на зиму в муравейник таскать, пчелам мед собирать, ершам в реках за плотвой волочиться, собакам между собой как людям из-за кости грызться, воронам на лесть рот разевать, а кротам землю рыть..

— А за что Бог крота ослепил? — задал я к разговору вопрос Егор Егорычу. — Известно за что, за то, что крот на большой праздник — Ильин день — землю рыл, — мимоходом бросил Егор Егорыч, продолжая высказывать свои мысли дальше.

... Только не каждая тварь на земле, для выражения своей думы, человеческим языком говорить может, каждая на своем выражается. Но есть звери, которые человеческую речь понимают, собаки, к примеру, и другие. Я недавно читал, как один негр, пробираясь среди джунглей, встретил льва, преградившего ему дорогу.

Чуть живой от страха, негр ласково сказал: «пропусти меня, лев, я несу кокосовые орехи моей больной жене». Лев свернул с тропинки в джунгли и негр пошел дальше своей дорогой.

— Чушь вы порете, Егор Егорыч, совсем с ума свихнулись на старости лет, не выдержал Пал Палыч.

— Не станете же вы отрицать, что животные между собой разговаривать могут и, как это подметил в своих баснях Крылов, часто могут между собой до чего-то путного договориться? Мы же поди, с нашим совершенным языком, не только между собой редко договориться можем, мы скоро вообще друг друга понимать перестанем. В семьях уже сейчас друг друга никто не понимает, главари церквей, веками об одном и том же едином Боге договориться не могут, в городах и не пытаются друг с другом по человечески разговаривать, а в университетах среди ученых и студентов уже давно говорят на языке, которым люди пользовались к концу постройки древневавилонской башни. О языке, которым пользуются в международных сношениях и упоминать не сто-

ит, — чуть что не так, вали на народ бомбы и делу конец. Люди лишились здравого смысла, у животных он сохранился.

Недавно, один охотник — знающий человек, рассказал мне, как он подслушал однажды такой разговор между лисицей и тетеревом:

— Здравствуй, тетерев, — сказала остановившаяся под деревом лисица, глядя вверх на ветку, где сидел тетерев.

— Давненько тебя не видела, как поживаешь?

— Спасибо, хорошо!

— Спустился бы ты с дерева на землю и мы побеседовали бы с тобой вволю!

— Нам, тетеревам, запрещено законом спускаться на землю, — ответил лисе тетерев. — «Этот закон был прежде, а теперь он отменен». — Я этого не слышал, — сказал тетерев, оставаясь сидеть на дереве. В это время, издали послышался лай собак. Лисица насторожилась и бросилась в лес от дерева на утек.

— Почему же ты убегаешь, спросил тетерев, — ведь недавно вышел закон, запрещающий собакам трогать лисиц?

— Об этом законе я знаю, но знают ли о нем собаки, — в этом я не уверена...

— Видите, сколько здравого смысла у птиц и животных. Все они имеют царя в голове.

Незаметно засиделись болтая и почувствовали, что на дворе провести ночь как думали вначале, будет и холодно и сыро. Поблизости был домик одного зверолова, летом здесь живущего. Направились к нему, хозяин был дома и не прошло и получаса, как мы уже умащивались каждый в свою чистую кровать.

У Егор Егорыча язык чесался всегда. Натягивая на себя одеяло он сказал: «Удивительно, как все на свете по разному происходит; в непроходимом лесу дикой части севера Канады мы так комфортабельно ложимся спать, где-то на рыбалке, без тревоги засыпая.

— А перенесемся сейчас на нашу Родину, в лагеря на севере, что там сейчас происходит? С сумрачными лицами ложатся на свои вонючие, грязные, полные инсектов, твердые койки, стоящие ярусами в холодных бараках, до смерти усталые от работы миллионы людей. У них другие люди, потерявшие облик человеческий, отняли свободу, чтобы заставить их быть рабами».

И это сделала и продолжает делать власть, опирающаяся на науку и философию! А профессиональные философы всех свободных стран смотрят на этот стыд и позор нашей цивилизации, ведя споры о том, что в такой системе научно, а что нет.

— Но как это получилось такое? — пристав с постели, задал вопрос Егор Егорыч.

— Почему сильный бык дает себя вести на веревке какому-то паршивцу мальчишке прямо на бойню, чтобы его там убили?

Одним ударом своего копыта он может отшвырнуть от себя мальчика, а затем, разбежавшись как следует, разнести к чертовой матери и самую бойню и весь управляющий ею служебный персонал.

Почему быки этого не делают — понятно, но почему люди терпят то, что определено терпеть быкам, — об этом давайте подумаем как естественные философы-рыболовы, — сказал Егор Егорыч, покрываясь как следует шерстяным одеялом.

Канада, 1973.

НА РЫБАЛКЕ В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

— — —

ТО — к рыболовам, романтикам, искателям рыбацких приключений... Летние пригожие дни подходят, чувствуется влага утренних зорь, предрассветная, прикрытая легким туманом тишина реки, неожиданные всплески на гладкой поверхности воды.

Какая-то сила неведомая тянет рыболова из дома на реку.

К природе и больной тянется. Уже на что — собака или кошка, прихворнув к весне, и те к ней обращаются; пожуют какой-то им известной травки и, глядишь, выздоравливают.

Без докторов и лекарств обходятся.

Тяга к природе особенно усиливается весной, когда все просыпается и оживает.

Весна разливная!

Выйдите за город, на лоно природы — там теперь у каждого воробья и зверька пирог и пиво на столе.

А встреча с весенним рассветом, с птичьим приветствием дня грядущего! В особенности оно восхитительно у дроздов и скворцов: умо-

стоятся на верхушках самых высоких деревьев и, ни свет, ни заря начинают изумительно нежной и трогательной трелью возносить хвалу выбивающимся из-за горизонта огненным лучам солнца.

С приближением весны оживают на всем свете и рыболовы.

С нетерпением они ждут дня открытия рыболовной кампании, волнуются и договариваются о дне выезда на ловлю рыбы.

Но не всегда им в этом везет с погодой.

Часто первые дни портит им дождь. Так случилось со мной и моим приятелем в этом сезоне.

Уже подъехав к берегу реки и начав переносить из автомашины в моторную лодку наши рюкзаки, набитые с вечера рыболовными принадлежностями и всякой вкусной снедью, — заметили, что накрапывающий с раннего утра дождик начинает превращаться все больше и больше, в самого противного рода весенний дождь.

— Может вернемся? — нерешительно спросил я приятеля.

Тот пристально оглядел небо, потом посмотрел на воду и, наконец, пробурчал: — Ерунда, погода скоро разведрится, рыболову дождь не помеха, заводите мотор и едем, по всем приметам, солнце вот вот покажется.

Уселись на мокрые уже от дождя банки и поехали.

По дороге я правил лодкой, зорко вглядываясь в живописный берег, не успевший еще нарядиться в весенние одежды из распутившихся веток деревьев и цветущих цветов, начинавших кое-где выбиваться из под берегового мха.

Коллега, с плаща которого стекали струйки дождевой воды на дно лодки, в это время ничем не смущаясь без усталости говорил...

— Дождь весной это что? — Крестьянину он на пользу, а рыболову в поучение. Человек ищет, где лучше, а рыба, где глубже».

Формула эта верна, но не во всякую погоду применима.

Рыба в реке — не в руке! Разинув рот, рыбы не словишь. Каждая рыба свой маневр знает, а рыболов должен знать свой. Одна рыба клюет при солнце, а другая при дождичке. — Трещал он, как бы не замечая, что дождь все усиливается...

— Что происходит во время дождя с рыбой? — продолжал он дальше:

— Рыба из глубины поднимается к поверхности воды, чтобы быть ближе к кислороду, попадающему в воду с миллионами капель дождя. Даже болвану отсюда ясно, что в дождь надо ловить не на донную, а на поплавок, быть к рыбе поближе. Поговорка, что рыба в дождь лучше клюет, только в том случае верна, когда удочка находится не в руках дурака, а в руках рыболова, который знает, как надо в дождь рыбу ловить, — пояснил он мне, — как раз в

тот момент, когда я весь мокрый посылал его мысленно ко всем чертям, ругая себя что послушался его и не вернулся во время обратно домой с берега.

— Хоть бы зонтики с собой захватили, злобно сказал я, не мокли бы теперь так, и встряхнувшись как мокрая собака, я стал приставать к берегу. Теоретик рыбной ловли на это сказал: никогда не слышал, чтобы рыболовы на рыбалку брали с собою зонтики, вы друг, мешаете их с бабами идущими по воскресеньям в церковь. —

Привязали лодку к старой коряге, краями толстых веток торчащей из воды у покрытого густым лесом берега.

Все вокруг было таинственно и красиво. Молодые березки, ветки которых, только начали распускаться, росли группами вдоль берега. Все вокруг радовало взор, кроме дождя.

Лески в мокрой лодке, дно которой уже покрылось водой, все время путались под ногами, мокрые наши плащи мешали движениям, одним словом будь сказано, сидели мы — «в луже», ни тебе выпить по-человечески, ни тебе закусить как следует, а не евши, не пивши — жить долго не сможешь.

Рыба бралась вяло и вся мелкая, поплавки стояли на мертвом якоре — не шевелясь, куда бы их ни забрасывали.

Дрянъ дело, сказал я с огорчением. Зря поехали, с пустыми руками домой вернемся. — Не видав вечера, рыбой хвалиться нечего, услышал я в ответ от коллеги. Этого рыболова ничем пробрать было нельзя, ты ему свое, а он тебе другое — свое.

Пришел, наконец, и вечер, дождь моросил не переставая.

Поймали кое-что, о чем рыболовы говорить не любят. Когда я заметил, что согласно его «дождевой формуле», не такой рыбы и не столько нужно было нам наловить в этот дождливый день, он опять свое: «всякая рыба хороша, коли на уду пошла».

Ни в какие теории рыбной ловли на дожде я не верю, — все они — выдумки. Идет дождь, оставайся дома и «целуй жинку», как говорят украинцы.

Захватил тебя дождь на рыбной ловле, умачивайся где-либо под кровлю, открывай бутылки, разворачивай закуски и после пятого, шестого стаканчика, как кто вместить может, слушай разных теоретиков, у которых язык не на привязи у разума.

Среди рыболовов таких встречается не мало. Теории о рыбной ловле хороши, но не всегда они к времени и месту применимы. Конечно, на рыбной ловле надо еще и счастье иметь.

— «Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь».

Солнца в этот ненастный день так и не дождались, а домой вернулись в таком виде, которого лучше не описывать, чтобы не отбить у других рыболовов охоту ловить рыбу в дождливый день.

ПУСТОЙ ДЕНЬ НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

ОТПРАВИТЬСЯ на рыбную ловлю в одиночестве на этот раз не хотелось.

Задумал составить компанию. Перебрал в уме всех, кого бы мне пригласить, чтобы провести день на рыбалке приятнее и веселее.

Остановился на двух знакомых рыболовах: — Егор Егорыч и Максим Максимыч. Первый был среди рыболовов незаменимым говоруном, а Максим Максимыч был замечателен только тем, что был ничем не замечателен.

Сначала позвонил Егор Егорычу. — Что-то вас, Егор Егорыч, последнее время нигде не видно, — что поделываете?

— Ничего не делаю, хожу из угла в угол, если настроение с утра хорошее, посвистываю, а ежели дурное, сижу в кресле и Америку ругаю. Голова, слава Богу, не набита мыслями о куске хлеба.

— А за что же Америку ругаете?

— За то, что воевать не умеют! В драку лезут и с побитой мордой драку кончают. — А вы как изволите?

— Да вот на рыбку собрался, помните местечко Сан Наум, там сейчас... тово. Говорят, щука берется, как ошалелая! Не хотите ли вместе в эту субботу?

— Это завсегда можем...

— Хочу еще пригласить Максим Максимыча, да не знаю вот, поедет ли?

— Тот поедет! — Тот с брачного ложа ночью сорвется, только покличьте на рыбалку, что вы его не знаете?

В субботу выехали, чтобы провести время на лоне природы до понедельника, ну и наловить, само собою разумеется, щук побольше и покрупнее.

Поехали автомобилем спозаранку и часам к восьми были на реке Оттаве повыше к северу.

Место было живописное. Лес подступал прямо к берегу. Огромные коряги торчали из воды, водоворотами обтекавшей поваленные бурей огромные деревья. Местечко для щук самое разлюбленное.

Два молодых енотика с любопытством на нас посматривали из дупла дерева, огромные ветки которого наклонились до самой реки.

Гладкая поверхность Оттавы ласково серебрилась под редкими лучами солнца, пробивающимися из-за серых облаков.

— Тут так хорошо, — сказал Егор Егорыч, вылезая первым из машины и глядя на речку. — Всмотритесь только, ну разве не прекрасно? — Действительно! Как выберешься из города, так и кажется, что ни зла, ни нужды, ни горя, ни старческих болячек уже нет на земле. Нет

и гадостей, что мы причиняем друг другу. Если вдуматься, — все чудесно на этом свете, кроме того, что мы сами делаем! Теперь мода пошла всех оперировать. Нет человека среди знакомых, у которого бы чего-либо не вырезали, только и слышишь — у одного почку отхватили, у меня слышали верно, недавно три четверти желудка вырезали, а куда дели — неизвестно, а у других, извините за выражение, мочевые пузыри повырезали и на простаты зарятся, — ничем не брезгуют. Простата, говорят, пожилому мужчине не нужна. Пожилой мужчина может без нее обходиться, но это как сказать, одному не нужна, а другому нужна, как воздух и вода. И что главное, — живут люди после операций, а для чего живут, как и раньше, не знают! — закончил Егор Егорыч.

Пока его слушали, не заметили, как погода нахмурилась. Все небо над нами заволокло серыми облаками, а с запада быстро надвигались черные густые тучи и вода на реке зарыбилась. Сомнений быть не могло: по опыту знали, что приближается непогода. Тут нам стало не до ловли.

— Знаете, ребята, есть тут в милях трех отсюда не то ферма, не то хуторок, на наш казачий лад, и живет там старик-украинец, славный дед. Я был однажды у него.

Выпивка и закуска у нас в багажнике, набрали всего по заветам предков: «едешь в дорогу на день, водки и еды бери на неделю», двинем-ка мы к деду и проведем там время под кровом пока погода выяснится.

Все согласились сразу, и через каких-нибудь тридцать минут мы были уже перед старой маленькой фермой, приютившейся в стороне от узкой дороги.

Никакой ограды вокруг фермы не было и как только мы подъехали к деревянному дому и вылезли из автомобиля, из открытых настежь дверей старого сарая, ютившегося рядом, показался хозяин. Одет он был в разноцветную канадскую рубаху навыпуск, с нарисованными спереди и сзади на ней разными цветными зверями, гадами и птицами. Вид старик имел такой, какой обыкновенно бывает у старых людей хотя и мало, но постоянно пьющих. О таких говорят, что у них за стаканом водки душа прямо в рай пойдет. — Здравеньки булы, мистеры! — приветливо сказал старик, подходя к нам.

— Здравствуйте, дедушка, мы к вам переждать дождик, можно ли? Я у вас как-то уже был, помните?

— Это ты, который о рыбах пишешь? Дело это доброе, рыба своего понятия требует, а дождь что, ен дело полезное. О ем, о дожде тоисть, тоже надо иметь понятие правильное. Которые цыгане всю жизнь живут под открытым небом Божиим, так они что говорят о дожде: мы, говорят цыгане, смеемся, когда идет дождь, потому что знаем, что после дождя будет снова светить солнце, а когда светит солнце, мы плачем, потому что знаем, что после солнца пойдет дождь.

Перед домом у кривого крылечка лежала на земле большая черная собака. Она обгрызала кочан сырой кукурузы, на которую зарились, вертящиеся около ее головы, небольшие поросята. Они ловчились вырвать из зубов собаки лакомый для них кусок. Собака была занята кукурузой и, все время ворча на поросят, на нас никакого собачьего внимания не обращала. По-видимому, сторожевые обязанности по охране фермы ее не касались. Позади фермы виднелись ряды пчелиных ульев, а дальше за ними росла малина. Всюду вокруг земля была покрыта высокой, сбившейся в клокья густой травой, по виду никогда, от самого сотворения земли, не кошеной.

Среди травы носились, гоняясь за бабочками и мотыльками, молодые индюшки. Небольшой кусок земли, отведенный для картошки и капусты, заканчивал картину бедной фермы, которую рассматривать дальше уже не было времени. Подул сильный ветер, надвигался ураган, и мы, быстро перенеся продукты из багажника автомобиля, вошли в гостеприимный дом фермера. Внутри, не теряя времени, разложили на столе всякую снедь, поставили бутылки с виски и пивом и стали ждать деда, который куда-то отлучился.

Старик скоро вернулся и поставил на стол огромную деревянную миску с сотовым душистым медом, нагроможденным большими кусками, затем завалил стол огурцами и помидорами. — «Чем богаты тем и рады, ешьте, ми-

стеры, на здоровье, а водка есть кровь сатаны», — сказал дед, косясь на бутылки с виски.

Первую открытую коробку сардин мы всю вывалили на его тарелку, налили ему стакан «крови сатаны», заполнили свои тарелки закусками, а стаканы чем полагается и начали трапезу.

Выпив первый стаканчик и закусив коробкой сардин с огурцами, дед сказал: — «Вы, мистеры, в случае чего такого, можете здесь у меня и переночевать».

— Вы что ж, дедушка, живете здесь одиноким?

— Жену давно похоронил, а сын не вернулся в Канаду из Европы после войны. Есть еще у меня в живых браток, мы тут с давних пор живем. Браток далече отсюда, в индейской резервации. Женился он на индианке, вдове вождя племени, балакает по-ихнему и диты есть. Ездил я как-то повидаться с ним, он у них там вроде как за старшого в племени, по их праздникам на его башке перья понатыканы и на спинюке грива из перьев до самой..... По-нашему почти забув балакать... Больше к нему не ездил.

...Весь день прошел в еде и питье, потом поспали, вставши стали доедать, что осталось и пить чай, навалившись на вкусный мед.

Не переставая на дворе бушевала буря, лил дождь, деваться было некуда и когда стемнело, пристали к Егор Егорычу рассказать какую-либо историю о рыбалке.

— Вы, Егор Егорыч, где только ни ловили рыбу. И в реках, и в озерах разных стран и в морях земных. Вам есть что рассказать.

Егор Егорыча долго упрашивать не пришлось и он начал:

«Умная ли это история или вздорная — вникать не буду. Главное — она правдивая и произошла здесь, на реке св. Лаврентия лет двенадцать тому назад. Свидетели того, что тогда произошло со мной, еще живы, первый из них я сам.

Знаете ли вы небольшой мысок повыше от Монреалья, где оканчивается старый речной канал со шлюзами?

Место когда-то было уединенное, рыба ходила там большая: течение, глубина, каменистый берег и тому подобное.

Леска была заброшена недалеко от берега, на донную, на живца. Я находился в шагах десяти от удилица, вдруг замечаю — по виду щучий клев. Подошел, взял удилице в руки, закурив перед этим, чтобы не горячиться, и жду...

Прошло пять, десять секунд — катушка начинает скрипя тормозом медленно распускаться. Думаю, взяла в рот и пошла, теперь начнет поворачивать живца головой к глотке. Теперь выждать перед тем как подсечь. А как долго выждать? На этот вопрос никто ответить не может, тут рыбацкое чутье надо иметь, тут правила, как сами знаете, нет.

Характер у щуки, как у женщины — капризный, чувствовать надо, когда ее взять (щуку).

Наконец, подсекаю. Тут рыба! Начинаю водить да замаривать. Поймать большую рыбу одно дело, а вытащить ее на берег — другое. Поймать большую рыбу и дурак может, а вот вытащить ее из воды на берег не всякий.

Подтянув к берегу, вижу в воде огромную, злую щучью морду, 20-тифунтовое речное чудовище не сопротивляется. Видно, шедшая берегом после метания икры, самка. Когда вытащил на берег, сбежались соседи, рыбаки-французы, удивлялись, как я ловко с метровой щукой справился.

Привязал я ее к цепочке, оттащил подальше от берега и зацепил за дерево. Тут только отдышался, посмотрел на щуку и не могу оторваться от ее злых устремленных на меня глаз.

Не смейтесь, господа! В этом взгляде была такая ненависть и было столько бессильной злобы, что я не был в состоянии его выдержать. Я отошел в сторону, но меня что-то снова тянуло назад к рыбе. Теперь в глазах щуки проскальзывала мольба, что еще больше начинало меня беспокоить.

Я не суеверен, но тогда я чувствовал, что щука эта не простая рыба, а речная злая колдунья. Я несколько раз возвращался к ней и два раза пытался отпустить ее в реку, но бывший со мной приятель отговорил меня.

Когда на другой день дома приготовили в разных видах щуку, я не мог ее есть. Я лишился сна, щука преследовала меня во сне и наяву, я потерял покой, стал чувствовать приближе-

ние какой-то беды. И беда не заставила себя долго ждать.

Ровно через неделю, на том же самом месте, где я поймал эту водяную ведьму, забрасывая удочку с берега, я неожиданно юступился на ровном месте и сломал ногу.

Я упал на землю, потеряв от боли сознание. Когда я открыл глаза, первое, что увидел, была стоящая передо мной столбом, с оскалившейся мордой щука, подававшая мне стакан с вином. Только опорожнив стакан, я распознал в щуке моего приятеля, который и отвез меня с распухшей ногой в госпиталь, где определили перелом кости и я два месяца пролежал дома с ногой помещенной в гипс...

Эта щука, несомненно, была колдуньей», — закончил историю Егор Егорыч.

«Если человеку есть, что сказать, он всегда скажет... — Всякое на рыбалке бывает, а рыболова слушать, — осла на плечи взвалить», — первый раз открыл свой рот Максим Максимыч, все время молчавший. И продолжал дальше: — «В особенности много всякой чертовщины в озерах среди девственного леса. Сомнения могут быть только в существовании русалок, — они в наше время ни к чему, потому что никто из нашего брата-рыболова их сладким речам не поверит».

— Но вот, скажите, Егор Егорыч, случилось ли вам когда-нибудь своими глазами увидеть выходящую из пены морской живую Афродиту?

— Нет! Этого не случилось, хотя я всегда пристально вглядывался в пену бегущих к берегу морских волн. Правда, в моей жизни я встречал Афродит, но я не интересовался, откуда они вышли. Скажу только, что встречи с ними всегда были не к добру!

До сих пор внимательно слушавший дед при этих словах заморгал глазами, поднялся из-за стола и, пошатываясь, пошел наверх спать, предоставив нам горницу, в которой мы и заснули сразу, как убитые.

НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ ВЕСНОЙ

-В ОТ и Тихон, что с неба спихан! — воскликнули мы в один голос с Иван Васильевичем, заведя приближающегося к нам долговязого старика, одетого так, как одеваются в Квебеке французские фермеры.

Уже который раз мы наезжаем в эту живописную березовую рощу. Она выбилась из густого сосново-лиственного леса, занимая всю южную часть небольшого холма, чтобы здесь на приволье ласкаться к извилистому берегу речки, стремящейся к большому озеру св. Агаты. Снежной белизны с голубоватым оттенком стволы молодых березок манили к себе взор, вызывая восхищение.

Березки редко стояли в одиночку, они росли больше группами — по пять, шесть, а то и большими семьями.

Видно, не люб им стал когда-то тесный лес, куда трудно было пробиваться лучам солнца, да и тишина в лесу была какой-то мертвой и сумрачной.

Кроме молодых березок никаких других деревьев на холме заметно не было, — все их отсюда березки выжили или те сами нашли,

что в рощице им среди такой красоты делать нечего.

Ферма Тихона находилась недалеко от леса. Сам он был, как и мы, страстным рыболовом, и мы на этой почве прошлым летом познакомились, и даже как-то раз у него на ферме переночевали.

Своим скуластым лицом старик напоминал нераскаившегося каторжника и до ночевки у него мы при встречах даже опасались, как бы чего дурного в этой глухой местности с нами не приключилось.

Но первое впечатление о Тихоне рассеялось, как дым, как только мы побывали у него в гостях на ферме. Он оказался человеком добрым, по-русски приветливым, веселым и умным.

— С добрым утром вас, Тихон, как поживаете? Узнаете ли прошлогодних земляков-рыболовов?

— Как не узнать вас, мистеры, нюхом своим вас в этих местах почувствовал. Привет вам за привет и память за память, а завистливому — хрену да перцу, и то не с нашего стола, — отвечал Тихон, здороваясь с нами за руку.

Окинув пристальным взором расставленные нами с берега «на живца», на донную, удилица, он рассмеялся.

— Давненько здесь околачиваетесь?

— Да чуть ли не с самой зари чорт нас здесь умогил.

— И как?

— Да никак!

— То-то и оно-то, таким манером, мистеры, вы сегодня ни хрена не поймаете. Это вам не осень, а есть теперича весна. Приехали вы в акурат, судак икру в гнезда из водорослей на мелких местах выбил; самцы остаются на месте 26 дней икру стеречь, чтобы щуки и обжоры-окуни ее не пожрали, а женки вниз по течению спускаются в глубокие места озера, чтобы там прийти в себя и отдохнуть «от родов». Плывут они стайками по самому дну реки, держась главного течения воды и судача по дороге между собой о своих женских делах. У берега им теперь делать нечего. Наловить их можно только посредине реки, если ухватку знать. Вы здесь меня обождите малость, я подъеду за вами на лодке, и мы вместе половим. Судак — рыба не вредная, дохтура его в вареном виде на самую строгую диету тяжелым больным советуют.

В ожидании его возвращения мы смочили наши глотки (на рыбалке горло всегда почему-то сохнет) и вспомнили наше с ним знакомство прошлым летом...

«Из украинцев мы», — представился он нам тогда русским говором на наш вопрос, какого он канадского роду и племени есть человек?

Живя в Канаде, мы привыкли уже к таким ответам русских людей: я белорус, я баптист, я украинец, я духобор, а самые коренные, что на родине проживают, так те советскими себя величают. Куда же делись русские люди, жо-

торые сейчас на своих горбах несмотря ни на что, государство Российское держат? Куда делись потомки тех русских, которые в прошлом, с волей царской не считаясь, Урал перешли, до Аляски и Сан-Франциско добрались, русское Черное море переплыли и Константинополю угрожали? Подумав, перестаешь удивляться: Россия никогда не была хорошо известна даже самим русским. Видно, русским нельзя родиться — им надо стать.

Тихон не принадлежал к украинцам галицийским, ненавидящим всякую Россию. Он родился на Полтавщине, в Канаду попал молодым парнем, но ему, дожившему на чужбине до 70 лет, было чуждо искаженное понимание начала русской истории, которую он понимал не со слов профессоров американских университетов, а своим народным нутром. Русская история представлялась ему как совместное творчество всех трех главных ветвей русского народа, создавшего великое государство с общерусской живой и динамичной культурой, которую революция превратила в корзину крабов растущих национализмов. Поэтому, вероятно, в Тихоне не чувствовалось отчуждение и от современной реальности на родине: — Ничаво ей, Рассеи, не сделается, народ теперь во какой, он все плохое переживет и вынесет...

Полвека с лишним на голове его народа кол тешут, а он тебе просто отвечает, что это «ничаво».

— Как царя не стало, нас здесь пугали, что теперь Россию евреи захватят, а это все, 'ми-

стеры, одна брехня, цего не будя, — евреев на це не хватит. Видит кот молоко, да рыло коротко!..

Всплеск воды от весел прервал наш разговор о Тихоне, он подъехал к берегу, мы свободно разместились в его просторной лодке, подгребли к середине речки и стали на якорю. Тихон взял одно из наших удилищ, отвязал от лески донную надвязку с тяжелым грузилом и привязал другую — метровую жилку с насаженным на ее конце живцом, перед которым на половине жилки он прикрепил небольшой кусочек свинца. Забросив подальше от лодки в самое течение воды леску, он дал ей возможность опуститься на дно и затем медленно начал наматывать катушку, так, чтобы живец, поддетый на крючке за губу, не срываясь мог медленно двигаться вверх по течению реки. Не прошло и десятка минут, как его схватила первая судачиха, ставшая почином в удачной ловле.

Мы последовали уроку Тихона, и ловля шла полным ходом до самого полдня. Все время Тихон, как бы бросая слова на ветер, не переставая тараторил:

— Растопыря рот, рыбу не поймает. На рыбалке спеша медленно, — рыба, она смекалистая и норов у нее разный. Лошадь откусывает траву с корня, а корова зализывает и рвет, каждому свое, а рыбе свое. Рыба свой маневр знает, а настоящий рыболов должен знать свой, чтобы, значит, поймать ее, рыбу-то. Судак, мистеры, которого мы сейчас ло-

вим, антелигентен: любого рыбака заставит рылом хрен копать. Оно, конечно, и счастье надо иметь, — со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба в лесу не найдешь!..

То и дело один из нас подводил к своей леске подсак, чтобы принять попавшуюся рыбу. Рыболовный день хвалится вечером, но мы еще задолго до него, довольные, посматривали на мокрое дно лодки, где неподвижно лежали с десятка два довольно крупных судачих. Судак засыпает быстро, — раз, два трепыхнется и стихнет, поэтому держать его на привязи в воде бесполезно, жить не на воле он не станет.

К полдню ловля стихла.

— Чего здесь околачиваться дальше? Поедем ко мне, нажарим рыбы, закусим, набалакаемся, а там и поедете до дому, — сказал Тихон.

Предложение его нам понравилось, быстро сложили весь улов в корзинку, переложивши судаков мокрыми водорослями, и поехали к месту на берегу, где оставили наш автомобиль.

Пока Тихон прикреплял в кустах лодку, любовались рекой, она и ранней весной красива. Счастье рыболова не в одной рыбе: ему дорог и восход солнца и заход его, дорог ему шелест травы и гладь воды, и любопытный взгляд какого-либо дикого зверька и многое другое, чем вознаграждает природа человека за общение с ней. Но дороже всего для рыболова общение с удивительным творением природы — рекой.

Река! Никогда не отдыхая, она работает: возит, кормит и поит людей и все животное царство, услаждает отдых человека, ночью отражает бледный лик луны и ласкается к дремучим лесам, которые ее охраняют и любят, вот как эти чудесные березки, которые здесь по-семейному расположились.

И за все эти блага цивилизованные люди ее все больше и больше отравляют. Да и только ли реку? Все отравляют — и себя самих в том числе, и всю жизнь на земле

в целом...

Подошел Тихон, уселся в машину и через минут 25 были на земле его «поместья». Давно брошенная каким-то французом старенькая ферма, состоявшая из деревянного небольшого домика и нескольких сараев, ютилась на опушке леса, у самой дороги. Покривившиеся колья с колючей проволокой представляли собою границу владения. Все было здесь запущено но, как это ни странно, от фермы веяло каким-то уютом и приятным теплом.

Как только мы вошли в дом, Тихон развел огонь и почистил, выйдя наружу, несколько судаков. Не успели мы разложить на столе нашу снедь и расставить бутылки, как обваленные мукой куски рыбы, зашипели, купаясь в масле, на сковородке.

— Семьи вот нету, — сказал Тихон, поворачивая жарившуюся рыбу, — жену недавно похоронил, а сын пропал на войне, из Европы

назад домой не вернулся. Пока была семья, дружно, негрузно жили, а один-то, гляди, и у каши загинешь. Мужик без жены, как без шапки...

— Чего же вы снова не женитесь, Тихон?

— Легче нынче медведю зубы лечить, чем теперь жену сподобную мне сыскать, — ответил Тихон, наваливая в миску фунтов восемь нажаренной и аппетитно пахнущей рыбы. Затем он поставил на огонь огромный чайник с водой, вынес к столу деревянное блюдо с огромным куском сотового меда и мы уселись за стол.

Следуя примеру Тихона, мы перекрестились и начали смачивать на этот раз уже совершенно пересохшие глотки. Теперь все молчали — были заняты вкусной едой. Молча ел и хозяин-украинец, по старой нашей терминологии — малоросс или хохол. Мы с Иван Васильичем также принадлежали к этому веселому и способному племени русского народа, обладающему широким кругозором, и по своей природе чуждому всякого провинциализма. Хохлы да кацапы и есть та главная стальная пружина, которую никакой, самый заклятый враг русского народа не сможет никогда согнуть в бараний рог.

Убрав остатки еды и костей со стола и вынеся их на двор собаке, в одно мгновение все

поевшей, — приступили к чайку с сотовым медом...

— Где теперь, по вашему мнению, Тихон, наша матушка Россия?

— Как где! Да там же, где и ютроду была. Рассея это не место и не страна, мистеры. Это — Русский Народ. А его — во сколько! И теперь вся власть — его русским мозгам дана, значит. Потерпите малость, он все повертает, что у него в суматохе поотбирали... Его не обдуришь...

Перед заходом солнца тронулись домой. Оставив позади себя узкую дорогу, выехали на автостраду, машина пошла равномерно, и сидящий за рулем Иван Васильич заговорил:

— Мы вот с вами всю жизнь между тремя соснами науки блудили, и для нас непроницаемо и обманно то покрывало, за которым скрыто будущее нашей родины, а вот для него — по виду неотесанного чурбана — оно ясно и понятно. И, заметьте, ничего этот русский человек, в котором ни ум, ни сердце не шатаются, живя на чужбине, не растерял... В Европу, по словам Пушкина, «Россия вошла, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек»...

И, может быть, что прав будет этот «Тихон — с неба спихан», что Россия наша все перетерпит и сама изменившись, войдет в пе-

рестраивающийся мир, во всем своем величии и во всей своей славе.

И знаете, кто такому Тихону помогает не сбиться с дороги? Конек-Горбунок, вот кто! Другого у него никого нет, и больше ему, как говорится в народной сказке, и не нужно...

Я задумчиво молчал.

Монреаль, Канада, 1973.

НА ЛОВЛЕ СУДАКА

НАКОНЕЦ дождались 15 июня, когда разрешается в Канаде ловля судака. Кто не ел этой вкусной рыбы, которая даже при самой строгой диете рекомендуется в вареном виде!

Немногим рыболовам известны повадки судака — рыбы с клыковидными зубами во рту, двумя спинными плавниками и далеко видящими в воде глазами. Судак окуневого семейства — умный и проворный хищник. Житель Балтийского, Черного, Каспийского бассейнов и Дуная с его притоками, судак живет также во всех реках и озерах Канады.

Хотя судак и в близком родстве с окунями, которыми реки и озера Канады переполнены, сам он отличается от этого простого рыбьего народа, — он аристократ в рыбьем царстве.

Не брат ему и другой свирепый речной хищник — щука.

Жить судак любит только в чистых прозрачных водах, всегда держась быстрой струи и каменистого или песочного дна реки.

Выловленный из воды судак скоро умирает, — не болтается часами живым в сумке ры-

бака или на веревке, опущенной в воду, подобно другим пойманным рыбам: окуням, щукам и пр. рыбной челяди. И плодится он по-аристократически, не так, как другие рыбы, которые размечут свою икру где попало и бросят ее на произвол судьбы и аппетит других рыб. И рыло у него тонкое, благородное, — не такое собачье как у щуки.

В определенное время самец судак выбирает на мелком месте реки или озера место для гнезда, в которое самка выбросит икру.

Гнездо самец (обыкновенно целая стая их) мастерит из водяных водорослей. «Судачиха» после «родов» сразу удаляется от гнезда и уплывает в глубокие воды, где она отдыхает, а самец остается 28 дней у гнезда с икрой и сторожит, никуда ни на секунду не отлучаясь, свое будущее потомство.

Кругом, в это время все кишит мелкими и крупными хищниками, ловящимися полакомиться икрой судака, но беда, если кто из них зазевается и очень близко приблизится к гнезду, — судак стремительно бросится на зеваку и мгновенно его проглотит.

И вот он снова на страже, можете его с лодки толкать веслом, можете влезть в воду и до него дотронуться рукой — он не изменит своему родительскому долгу, — не убежит, останется на своем посту, пока судачата не появятся на свет Божий. Тогда «папа» отведет все свое семейство сбитое в одну стаю, к самому мелкому месту у берега, ко дну, покры-

тому травкой и мхом, даст деткам указания, как жить и бороться в воде и, распрощавшись с детками, пойдет в глубокие места реки или озера уже жить для себя.

Итак, решаем ехать первый раз в сезоне на рыбную ловлю куда-либо недалеко, миль за 30 всего от Монреаля, вверх по течению реки св. Лаврентия. Там, у конца старого канала, река вся в порогах, всюду быстрое течение и много небольших заливчиков, удобных для метания икры судаками.

Теперь их семейные дела закончены и освободившиеся от родительских обязанностей самцы двинутся небольшими стайками вверх по реке к ее глубоким притокам и большим озерам.

Я такое одно место знаю издавна и мы с приятелем решаем с вечера поспеть к нему пораньше, — к часам 5 утра.

Каково же оказывается наше удивление, когда на другой день мы, подъезжая к «заветному» месту, уже издали замечаем из нашего автомобиля другой, стоящий как раз на «нашем месте».

Подъехав ближе замечаем и рыбака, уже расставившего свои три удилища. Посылая его мысленно ко всем чертям сразу, мы останавливаем нашу машину около него как раз в момент, когда эта скотина, быстро выбирая катушку, вытаскивает на наших глазах 5-тифунтового судака и мы видим, около десятка та-

ких же, пойманных им раньше, в воде на цепочке.

Нам довольно бросить беглый взгляд на его снасти и его мастерские ухватки, чтобы без труда определить, что перед нами матадор высшей марки.

У автомобиля на траве спит, закутавшись в одеяло, его жена; мы узнаем, что он чех и что на это место приехал еще вчера рано с вечера, ибо знает это место уже лет десять.

Нам ничего не остается делать, как располагаться недалеко от него на неудобных камнях берега. Дно реки в этом месте загромождено также камнями, которыми судак будет пользоваться, чтобы рвать лески и срываться. Терять время на размышления не приходится. Нацепив живца (живую мелкую рыбешку), на маленький крючок — тройной, за губу конечно, я забрасываю далеко на сильное течение воды леску и держу удилище с катушкой в руках, не давая грузилу волочиться по дну, чтобы не зацепиться за камень.

Сразу чувствую клев — осторожный толчок (судак схватил живую рыбку за спинку поперек); второй чуть ощутимый толчок (судак поворачивает стоя на месте рыбку во рту, чтобы проглотить ее с головы) и наконец, третий толчок, решающий дело (судак проглатывая рыбу, цепляется крепкой роговой губой за крючок).

Только теперь его нужно подсечь и — так как дно в этом месте каменистое — сразу, не

медля ни одной секунды, тащить рыбу к удобному месту берега, чтобы ее взять сачком.

Для этого рода ловли надо иметь первоклассную крепкую снасть и обладать ловкостью действительно матадора.

Теперь, раз такое дело, все забыто на свете: и первая любовь, и все житейские заботы, и телесные недуги, и светлые надежды на будущее. Рыба здесь и зевать в такие моменты, — смерти подобно. Видно, что напоролись на стаю идущих вверх по течению судаков в большие Канадские озера.

Оставив первого пойманного судака лежать прямо на траве быстро нацепляю нового живца на крючок и забрасываю его еще дальше от берега. Снова рыба; и так почти пол дня, одна за другой, потом реже.

Два раза вмешался в игру фунтовый окунь. Клев окуня отличный от судака. Окунь как вор хватает рыбку и схватив в зубы бросается бежать в сторону, разматывая с треском катушку.

Его подсекать не нужно, не успеешь, но приходится терять время на вытаскивание из его широкого рта крючка, который он глубоко заглатывает вместе с рыбкой.

В этих местах в это время может пасться и очень крупная щука. Если неожиданно удилище пригнется низко к воде, а затем катушка стоящая на тормазе, начнет медленно и скрипя разматываться — это она... взяла живца за спинку поперек и пошла.

Боже вас сохрани в этот момент ее подсекнуть. Сразу спугнете, она бросит схваченную обыкновенно из засады, рыбку и уйдет, почувствовав что-то неладное.

Вытащить большую щуку на берег не простое дело. Операция требует сложного маневра, ловкости и большого терпения.

Закончили мы ловлю судаков в этот удачный день к заходу солнца.

Сосед наш чех остался ночевать на месте, чтобы и на другой день продолжать ловлю.

Его положение было другое: с ним была его хорошенькая жена.

В Канаде красивое небо, какое-то огромное и прозрачное, краски восхода и захода солнца словами не передаваемы, а воздух здешний изумительный.

С десятков наловленных судаков мы, разведя на берегу костер, изжарили на обед и с большим аппетитом съели каждый фунтов по пять вкусной рыбы.

Запивали белым, экспортированным в Канаду, португальским вином. Оно здесь дешевле французского и на воздухе по вкусу не уступает последнему.

Вечером тронулись в обратный путь — домой. В багажнике у нас лежали еще десятка два — пойманных судаков.

Я уменьшил это число. Я знаю, что мне никакой рыбак все равно не поверит.

Монреаль, Канада, 1960.

НА ОЗЕРЕ МАГОГ В КАНАДЕ

— . —

ЕГОДНЯ мы едем на рыбную ловлю рано с вечера. Ночевать порешили на месте — на живописном берегу местами пустынного озера Магога. Это большое и глубокое озеро, в 90 милях от Монреаля, растянутое вдоль границы между США и Канадой.

Американского берега с нашей канадской стороны не видно, — видны только голубые горы.

Место, куда держим наш путь, некоторым из нас знакомо по прошлому году и я его рекомендовал приятелю как верное, другим ры-

боловам мало известное, открытое мною случайно. Мы выехали автомобилем из Монреаля сразу после обеда с расчетом до темноты добраться до места ловли. По дороге я, не жалея красок, мобилизовав всю мою фантазию, рисую другу красоту и удобства берега, обилие в этом месте крупной рыбы, потому что рядом, в озеро впадает небольшая реченка полная сейчас зарослей. Хищник теперь здесь все время вертится, поджидая возвращения в озеро разной рыбешки, метавшей икру в устье речки. Хотя доброй половине моих слов приятель не верит, тем не менее, он всю дорогу меня жадно слушает, часто прерывая мою речь дельными вопросами.

Дорога от Монреаля вначале вьется между покрытыми лесом холмами, постепенно переходящими в гористую местность.

Склоны холмов, обращенные к югу, сплошь покрыты яблочными садами. Весна в разгаре. Все деревья в цвету. Чарующе красиво кругом, а «дух»-то, от цветущих яблонь какой здесь!..

Вскоре дорогу начинают пересекать небольшие горные потоки и озерца, в которые со всех сторон бегут с гор, сверкая хрустальной водой в лучах солнца, ручьи.

Постепенно яблочные сады сменяются густым лесом.

Часам к 7 вечера сворачиваем с главной автострады, ведущей к городку Магогу, на узкую дорогу, выходящую вдоль холмов по берегу большого озера. Оно начинает открываться

нашему взору во всей своей красоте и огромности. Нам остается, проехать миль с двадцать, не пропустить только скрытого небольшим лесочком крутого спуска с дороги к самому берегу. Там должен быть маленький бетонированный мол и на нем небольшой маяк, у которого пустая сторожка — ожидальня со скамейками. Во время оно, когда не было автомобилей, здесь была маленькая пристань, которой пользовались ближайшие фермеры ездившие в Магог, который отсюда виден только в очень ясную погоду.

Мой приятель изрядно волнуется, не занято ли это место какими-нибудь рыболовами и будет ли вообще клев? Я охрип уже, объясняя, что некому такое скрытое с дороги место заметить, а фермеры французы так ленивы, что рыбалкой не интересуются. Что же касается клева сомневаться в нем нет основания, глубина у мола около 4 метров и все дно завалено камнями и есть у берега течение. Главное же в том, что я два года тому назад сам в этом месте ловил такой величины басов (тут я осторожно развел руками не переходя естественные размеры этой рыбы), что дурак сюда лучше не суйся, ему их здесь не вытащить из воды.

Мы, собственно говоря, и едем сюда на ловлю басов. Щуки и фунтовые окуни, которыми озеро полно, нас сегодня не занимают. Чувствую на лицах читателей рыболовов нетерпение поскорее узнать, что за рыба такая — бас и на что бас похож?

Ответить на этот вопрос не легко. Как-то один русский сибиряк спросил кавказца, видел ли тот банан и на что банан похож? Яблок знаэш? — знаю. А груша знаэш? — Знаю, ответил русский. — Так вот банан совсем не похож на них, — сказал кавказец.

Русского названия бас не имеет, — это американская рыба до 5 ф. веса (Black-bass), из семейства окуней, бережно охраняемая в Канадских водах. Ловля баса для продажи на рынок запрещена. В океане бас носит название, вернее сказать, прозвище «морской волк».

Стихия баса — каменистое дно, ему нужны места засады, он хищник, берется на живую рыбку, маленького живого речного рачка, очень неохотно на червя. Бас очень силен, осторожен и хитер. Его повадки рыболов должен хорошо знать, вообще рыболову очень много чего следует знать. Рыбная ловля не медицина какая-нибудь, где вам все с рук сойдет. Но прежде всего, рыболов должен обладать способностью внутренним взором видеть, что происходит на дне реки или озера, куда он собирается забросить удочку. Это не то же самое чувство, о котором часто слышим, когда говорят, что какая-нибудь там Марья Карповна на три аршина в землю видит. Земля и вода — разные элементы: земля, нечто земное, а вода — нечто первичное, духовное. Женщинам туда никогда не добраться, как бы они ни старались. Не predeterminedены они для этого. Поэтому рыболовов женщин и нет нигде на свете.

Если где какая одна и затешется, так из-за ба-ловства одного и только.

Поймать баса не шутка, и вытащить его из воды, проблема не легкая. Это вам не сом — полный дурак в рыбьем царстве, попался на крючек, его тащат из воды, а он идет себе смирехонько, как будто в гости к сковородке едет. У сома все в мясо, мозгов ни на копейку. А бас, попавшись, сразу как бешеный ринется в глубину, упрется между камнями и начнет раздумывать, как и что ему теперь делать? Боже сохрани тут ему мешать, захочет переменить место, — иди. Несколько раз надо его пускать, пусть делает все, что ему по воле, пока не заморится и сил своих не убавит. Рыболову одно дело следить, чтобы леска была все время натянута, пока он коники свои вытворяет. Когда он устанет и когда подтяните его к поверхности, надо быть готовым к его последнему маневру — высокому прыжку в воздух. Если в этот момент позволить ему ослабить леску бас сорвется с крючка, шлепнется с высоты на воду и в одну мгновение исчезнет в глубине. Случись нечто такое — рыболов может поставить в этом месте на ловлю крест. Вся стая басов тотчас же оставит это место, потому что сорвавшийся в воздухе с крючка бас, вернувшись в стаю, разберет товарищам, что на берегу человек — существо созданное по образу и подобию божьему, и теперь жди беды, значит...

Осторожно, мы съехали нашим фордом по крутой, усыпанной щебнем, дорожке, к самому молу и остановились у сторожки. На краю мола засветился уже небольшой маяк и мерцающий луч зеленого огонька отразился на гладкой поверхности озера. Пустынно и тихо кругом, слева небольшой кусочек песочного берега, к которому вплотную свешиваются к воде ветви огромных деревьев.

Быстро стемнело и далеко на горизонте заблистали огни небольшого прибрежного красивого городка того же названия как и озеро — Магог. Мое воображение сразу перенесло меня на побережье Адриатики в Далмацию, где так же по берегу, ночью блещут огнями небольшие городки и местечки, приютившиеся у самого моря. Скоро на серебристой поверхности озера отразился ярким блеском луч восходящей огромной, красной луны. Я мог гордиться, что привез приятеля не на «собачье» место и что с рассветом, здесь будет так красиво, что душа, даже самого злого человека возрадуется.

Нам не до сна. Разместились прямо на сухом и чистом бетоне мола, тут же у открытой сторожки, к которой приставили автомобиль. Все под рукой, хорошо и удобно. Постелили под себя пледы и, первое, что из багажника вытащили, это была выпивка, а затем приготовили закуску, развели костер и сварили ужин.

Потом в ожидании рассвета перешли к разговорам. Вспоминали, что на этом месте не-

сколько веков назад сидели индейцы, — они были хозяева этой земли и озера. Потом пришли из Европы французы, которые уничтожили индейцев, а французов побили англичане и отняли у них чужую землю, которую стали населять всякие народы, а теперь вот и нас русских с целого света нелегкая сюда занесла.

Для чего нужно Богу так перемещать на Земле целые народы? Кто ответит на этот вопрос?

Хотя приятель не знакомый хорошо с ловлей басов и повторял при каждой выпиваемой чарке: «пей да дело разумей», я все же все время предупреждал его о строгом соблюдении правил ловли баса.

Несколько раз подходили к краям мола, обдумывая куда и как забрасывать удочки и где кому усаживаться. Снасть рыболовная у нас прочная, да и сами не лыком шиты, рыболовное образование имеем, слава Богу, самое высокое и законченное и вращаемся всегда в самом высшем рыболовном обществе (не того сорта, о котором я как-то читал, что живя в тайге где-то за Уралом еще теперь форель руками голыми ловят, а другую рыбу так прямо снятыми с себя штанами).

Как-то незаметно начал алеть восток. Сначала брызгами ринулись из-за горизонта к небу какие-то стрелы, их сменили огненные лучи, которых встретили хвалебным пересвистом, занявшие все макушки деревьев, дрозды. Здесь можно забыться, как в сказке.

Вот начало показываться и само красное солнышко!

Осторожно бросаю недалеко леску первой удочки с живцом, держу ее в руках и сразу чувствую, как осторожно берется бас. Вот он взял наживку, оторвался от дна и бросился с ней далеко в глубину. Чуть-чуть потсекаю и сразу узнаю, — здесь он голубчик, на крючке. У меня он не уйдет, все его маневры и затей нам известны, а к ротозейству у нас с детства склонности не было, без нянек учились ходить.

До первого завтрака дюжина крупных басов резвилась у меня на привязи в воде озера. На другую поставленную удочку поймались щуки, с ними меньше хлопот, щука редко когда с крючка сорвется.

Влетали и крупные окуни на червя. Те ведут себя в воде как воры, схватит наживку, заглотает сразу, наколется и ходу куда попало, сто метров лески убегая разматывает с катушки.

Хуже оказались дела на другом конце мола, где расположился приятель. Басы брались у него все время, но он волновался, не имел достаточной выдержки и не выжидая их тянул из воды. Они рвали лески и уходили. Все время с его стороны слышались ругательства и проклятия, лески удочек путались и он с вытаращенными глазами говорил мне, что у него срываются очень крупные басы, которых невозможно вытащить.

Глядя временами на такой срам, я каждый раз повторял ему одно и то же: «не в этом дело, братаня, тебе весь вечер русским языком говорилось, держись правил, как вошь кожу-ха, и все будет в порядке, а ты что делаешь? — Игрушкой в руках рыбы служишь, так пеньяй теперь на самого себя, да на ус наматывай, ума разума рыболовного набирайся».

После обеда, бас братья перестал, разбежались волки, почувствовали собак. Мы выкупались, хорошо пообедали и прилегли в тени отдохнуть. Удочки остались укрепленными на молу и когда щука или окунь брались, мы слышали, как катушка стоящая на тормазе, начинает разматываясь поскрипывать. Тогда кто-либо из нас лениво вставал, спокойно и без волнения подходил к удочке, брал ее в руки и вытаскивал то окуня, то небольшую щуку.

О такого рода рыбе никто из нас не беспокоился, — попавшись, она редко когда с крючка срывалась.

Поздно вечером мы вернулись домой, довольные уловом, чудесно проведенной ночью и утром, и освеженные воздухом, пропитанным ароматом цветущих яблочных садов.

Канада, 1962.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ НА РЫБАЛКЕ

— — —

ЛЕТО нынешнее — поганое лето, а для рыболовов оно выдалось прямо трагическим. Куда ни поедешь — нет рыбы; в какой день ни выберешься на лоно природы — дождь хлещет, или холод такой, что собака не выдержит, не только человек! Думали, что хоть осень с ее очарованием вывезет, — куда там! еще хуже, чем лето, оказалась.

Тем не менее решились в конце октября съездить куда-либо подальше от Монреаля, чтобы провести день за удочками на реке Св. Лаврентия. Красивая это река.

Узнав о нашем намерении съездить в этом сезоне еще раз на ловлю, стал напрашиваться ехать с нами еще один заядлый рыболов, но мы от него отбоярились, зная его страсть к философствованию, при этом всегда пессимистического рода.

Эта привычка в нем укоренилась после того, как на старости лет его бросила жена. Она ушла к другому чтобы жить, как заявила уходя, припеваючи. Он, значит, и свихнулся маленько... бедняга, даже к архиерею обращался с просьбами уговорить жену вернуться. Архиерей пробовал несколько раз говорить с жен-

щиной, но вскоре заявил ему, что ничего с его женой поделать не может, ибо нет в ней страха Божьего.

После такой передраги Гриша, как мы его звали, и стал иметь странный вид и мы за глаза пророчили ему, что он скончается от анти-семейных огорчений. Не сказав Грише ничего о месте, куда мы едем, выбрали будний день и отправились на рыбалку сами — втроем.

День осенью короток, и попасть на завидное место старались ни свет ни заря. Живцами и червями запаслись с вечера, и к восходу солнца добрались до знакомого места. Берег реки был здесь полуобрывистый и удобный. С быстротою подъехавших к горящему дому пожарных, мы стали умищаться на берегу в соответствии со свойственными каждому рыболову приметами.

Конечно, не обошлось без споров, обычных в таких случаях, а также советов. Советы рыболовы ненавидят, как собаки палку, и сразу на них отгрызаются в выражениях, которые я в рассказе приводить не могу.

Сварливый по природе Антон Палыч, как только взглянул на воду, сразу про- бурчал — на этом месте, как сказано в Священном Писании будем метать только бисер...!

— Здесь семь потов с каждого из нас сойдет, пока рыбу поймает!

Услышав мое веское замечание, что чуть пониже впадает сильный ручей с прозрачной

водой и что в таком месте в ожидании мелкой рыбешки любит вертеться судак — все решили остаться на месте.

Как по команде растянувшись в ряд, мы быстро поставили с берега на донную по два удилища каждый — одно «на живца», а другое «на червя».

Теперь только, усевшись на камни, мы стали осматриваться — куда нас нелегкая занесла? Место было действительно вольготное. Была поздняя осень. В Канаде она всегда полна очарования. Как только из прорывов между облаками стали появляться первые лучи солнца, перед нашими глазами запестрели золотые и ярко-красные, еще не совсем опавшие, листья канадского клена.

Земля была покрыта разноцветным ковром. Было прохладно, но так тихо, красиво и живописно кругом, что на душе стало радостно и покойно. На блестящей поверхности широкой реки плескалась крупная рыба; это она играла, пока река еще имела задумчиво сонный вид.

Совсем у берега крупный «бас» выплеснулся из воды, перевернулся в воздухе, окинул хозяйским глазом, что наверху делается, и снова в родную стихию, — смышленная рыба! Впадающий в реку бурный поток выбегал из небольшого лесочка, за которым вдали виднелся лес. Тут же, недалеко от берега сиротливо приютилась березовая рощица. Деревца, потерявшие уже свой лиственный наряд, росли пучками, и там, где кончалась рощица, на холме, на-

ходилась причудливой формы нежилая, брошенная ферма. Это придавало всей местности какую-то таинственность. Несколько раз скачками — парами — выбегали из рощицы шустрые серны и скрывались в лесу, прилегающему к ферме.

На ветках ближайших к нам деревьев неподвижно стояли, как благочестивые монахи, скрестивши на животиках лапки, серенькие белки. Часть из них пристально глядела в нашу сторону, другие уставились глазками на открытый багажник нашего, недалеко оставленного автомобиля. Они напряженно ожидали момента, чтобы забраться в багажник и там похозяйничать.

Мы долго сидели в полном молчании, ожидая начала клева.

— Да! Только дурак не выловит здесь судака! — нарушил молчание мой сосед!

— Соображайте, ребята, сами: глубина классическая и быстрое течение, раз! Прозрачная струя потока врезывается в течение реки, в которой на дне торчат судаки в ожидании мелкой рыбешки, несомой в реку струей потока, два! Того же лакомства ожидает притаившись за камнями и щука, три!.. И тому подобное... четыре!

— Не учитываете только это ваше дурацкое «и тому подобное», а в нем-то и зарыта собака, называемая в философии главным, не терпящим противоречия и фантазии фактором — счастьем — сердито пробурчал Антон Па-

лыч и добавил — более двух часов дураками здесь околачиваемся и хоть бы что... Я же вам говорил, как сказано в Священном Писании, зря будем здесь метать бисер...!

В этот момент у нашего автомобиля остановился другой, из которого стал вылезать невзятый нами в компанию наш приятель, философ от беды, Гриша.

— С какого это облака тебя сюда чорт сбросил?

— Нюхом рыболова нашел вас, подлецов! Но прежде всего, с добрым утром вас, братья во Христе, ни пуха вам ни пера, рыбы наловленной около вас что-то не вижу! Ну-ка потеснитесь маленько, не одним вам щи хлебать, дайте и другим к корыту приткнуться! — сказал Гриша, приближаясь к нам со своей рыболовной снастью.

— Тесниться нам некуда, умащивайтесь вон там дальше, с краю, вниз по течению, чтобы лески не запутывались — закричал Антон Палыч.

— Да там же мелко, помилосердствуйте, люди добрые! По закону мирового свинства поступаете!

— Да нам какое дело, пришел последним, так садись, где место есть и не разговаривай.

Гриша нехотя отошел к свободному месту от нашего ряда низкому берегу, почти к самому ручейку и там расположился. Смонтировав два удилища, он стал выпрашивать у нас червей и живцов. Своих у него не оказалось.

Установив удилища, он выпил, закусил молча, затем крякнул и затараторил:

— Удивляетесь, как я вас нашел, а того не соображаете, что во мне есть не какая-нибудь пружина, а полный механизм рыболова! Вы думаете, что такое рыболов? Место думаете? Не место красит рыболова, а рыболов место. То-то вот и есть!

Не успел произнести этих слов, глядим, — двухфунтового судака вытащил!

Выклянчил снова свежего живца, только что забросил, второго еще покрупнее выволок.

— На свою голову этого сукиного сына усадили справа вниз по течению! — заорал во весь голос Антон Палыч, в ведрце которого, но уже без разрешения, запустил было руку Гриша. — Разве не знаете, что рыба идет по дну вверх по течению, и этот тип теперь будет всю рыбу у нас под носом перехватывать. Гоните его в шею и не давайте ему больше наживки!..

— Боже! куда я попал, — огорченно сказал Гриша, еле успев выхватить из ведерца пустую руку. — Это какая-то банда завистников, а не братья во Христе! Люди друг с другом хлебом в нужде делятся, а эти злодеи каким-то живцем да червем попрекают, нуждающемуся на общей рыболовной трапезе отказывают! Рыболовные традиции нарушают!

Живцов ему больше не даем, но это его не смущает. На кусочки червя он вылавливает из потока несколько рыбешек, забрасывает снова удочки и не проходит пяти минут, как вытас-

кивает большую щуку. Ни у кого из нас ни клева, сидим злые и пристально косимся на кончики его удилиц. Теперь и у него застопорилось.

Он долго молчит, затем слышим:

— Сглазили-таки, завистники! А зависть от чего? От невежества. Рыбалка дело серьезное, обстоятельное. Рыбы — это кто? Рыбы прародители наши; мы, люди, все происходим от рыб, рыбная ловля это вам не тово-сь...

— Наук нынче много, не перечислить их всех даже ученому человеку, а чорта от них, от наук этих самых для души? Душа человека, она-то все та же: она хорошая. Вы, вот, здесь все (повернувши голову в наши стороны) с законченным высшим образованием, а я с незаконченным низшим, а к примеру, душу чувствую...

Утро начинало ласкать нас все больше и больше. Всюду — на ветвях деревьев, на траве, на зеленых кустах, которые смотрелись в воду, сверкала в бледных лучах осеннего солнца роса. Никому не думалось о сутолоке современного города, и у всех нас на душе чувствовалась легкость и приятная тишина, и нам хотелось слушать его, не перебивая дальше. Просить его говорить не надо было, он сам без умолку тараторил.

— В нашей теперешней жизни, куда ни повернись, всюду зло. Больше всего зла от женщин. Теперь зла больше, потому что женщины от мужских рук отбились, стали самостоятель-

ными, ну и разные там фантазии в голове у них, а где фантазии, там и нечистый с бедою всякой. Женщина — она существо обыкновенное, с предрассудками и ум у нее приобретенный, где уже ей тут устоять без поддержки?..

Вдруг мы почувствовали что погода начинает меняться. «Не закусить ли нам, господа?» — сказал Антон Палыч, а Гриша добавил: — Никакой чорт не может нашему брату рыбоболу так напакостить, как погода, но и в этом есть хорошая сторона — рыболов может в минуты ненастья, укрывшись где-либо, безмятежно выпивать и закусывать. Дома такого не бывает; то одно, то другое мешает, а больше всего этому мешают жены рыболовов.

Не успели выбрать место, где нам расположиться для приятной трапезы, как на нас надвинулась с востока темная туча и вдали за сверкали молнии.

— Давайте лучше скорее добираться до автострады, здесь можем так застрять, что не выберемся!

Молниеносно собрались и, как только въехали на автостраду, грянул гром и хлынул ливень; мы укрылись в стороне под огромными деревьями и остановились; ехать дальше было невозможно. Налетел шторм, небольшие деревья по сторонам гнулись от бури до самой земли, а большие стонали, как вдовы на сельском кладбище при опускании в могилу их мужей. Нам стало страшно, такого давно не видели.

Более двух часов мы простояли на месте в стороне от опустевшей совершенно автострады.

Поехали домой, проклиная и нынешнее лето и нашу канадскую «золотую» осень.

Прощаясь поздно вечером с нами в Монреале, Гриша подарил нам весь свой улов: двух судаков и одну щуку.

— Разделите рыб между собою, вы семейные, а я один и мне рыбы не нужны — сказал он нам ласково.

В ДИКОМ ЛЕСУ КАНАДЫ

— — —

СЯКИЙ рыболов-любитель, к какой бы национальности ни принадлежал, знает, что нет ничего лучшего на свете, чем рыбная ловля. Она роднит человека с природой, которая любовно выдает рыболовам самые сокровенные свои тайны. Без знания этих тайн — человек познать жизнь не может.

Хороша также охота, но для людей, родившихся со светлой душою, рыбная ловля лучше. Рыбная ловля приводит рыболова к глубокой дружбе между ними и пониманию друг друга. Никогда еще не случалось, чтобы один рыбак утопил другого, как это бывает на охоте, в особенности у нас в Канаде, где один охотник часто пускает ружейный заряд в спину своего друга, скрытого в лесной чаще.

Рыбная ловля в Канаде — стране озер и питающих их речек — это рай для рыболовов. Многие города стоят на больших реках или у берегов озер. Ловить рыбу можно везде, разрешение на ловлю покупается в любом магазине где продаются рыболовные принадлежности и стоит дешево. Но по-настоящему рыбная ловля для рыболовов становится привлекательной, когда они забираются далеко на дикий

север. Там горные большие и маленькие озера, раскинувшиеся среди скал и первобытного леса, с впадающими в них с гор быстрыми горными речками, кишат форелями, судаками, щуками, басами и другими породами благородных сортов рыб. Добраться до таких заветных мест рыбаку и сложно, и просто. Дорог к ним нет, к услугам богатых — частные гидропланы, вертолеты, а «бедные» добираются до обетованных мест на своих собственных автомобилях, заканчивая путешествие до цели на моторной лодке.

Вот в одно из таких мест мы и поехали одним ранним осенним утром на автомобиле моего приятеля поляка. Приятель когда-то был коммерсантом в Варшаве и рыбой интересовался только за столом ресторана. Рыбной ловле начал учиться по совету врачей, в Канаде, у меня, а теперь по этой части превзошел своего профессора.

Я рыболов с раннего детства, но рыболов морской — черноморский. С речной рыбной ловлей высокого класса я познакомился живя до Второй мировой войны в Белграде, расположенном на слиянии двух больших и красивых рек: Дуная и впадающей в него реки Савы.

Нигде на свете нет такого огромного числа любителей рыбной ловли как в Канаде, даже лютой зимой ими прорубаются во льду проруби, ставятся маленькие палатки, оставляется где-либо недалеко автомобиль, а хозяева удят. Это уже очень заядлые рыболовы и, как пра-

вило, любители виски. А мороз к этому располагает.

Из Монреаля мы выехали на север в 4 часа утра. Развив на хорошей автостраде среднюю скорость до 70 миль, мы к 3 часам дня достигли последнего французского местечка, дальше которого дороги уже не было. Начались леса, бесчисленные озера, раскинутые между ними и первобытная лесная дикость.

Местечко оказалось очень благоустроенным, как и все ему подобные в красивой провинции Квебек. Всюду чисто, комфортабельно.

Наш автомобиль мы оставили на дворе месье Шарбуно, который для дальнейшего нашего следования на север дал нам уже свой джип и ключ от домика на озере, который он сдает охотникам и рыболовам. Шарбуно — полуфранцуз, полуиндеец, у него очень милая жена и веселые дети. Он арендует несколько озер и большой участок леса для охоты на пушного зверя и волков.

Теперь нам предстояло 20-мильное путешествие на джипе, на который мы перенесли привезенный с собою подвесной лодочный мотор, рыбную снасть и наши вещи. Не теряя времени поехали по корявой, пересекаемой корнями и выбоинами, лесной прогалине к озеру, на котором никого и ничего, кроме двух охотничьих домиков, не было.

К вечеру с горем пополам, доехали до озера. Оставили прямо на берегу наш джип, перенесли наши вещи в лодку, тут привязанную,

прикрепили к ее борту мотор, открыли заваленную ветками яму, где сохранялся все лето лед, и, набрав льда большими кусками, натащали его в лодку прикрыв тряпками, и поехали к месту, где мы должны были прожить пять дней.

Через пол часа мы подъехали к маленькому мыску, на котором со всех сторон окруженный лесом стоял нами снятый домик. Уже стемнело, когда мы вышли на берег. Вокруг было таинственно и жутко. Упавшие стволы деревьев лежали частью в воде, и, бегая по ним, зорко нас осматривали всякие водяные дикие зверьки, а дикие утки, приготовившиеся здесь к ночлегу спокойно отплывали от нас подальше. Какая-то огромная водяная птица, кружась все время над нами, издавала душераздирающий неприятный крик, предупреждая, вероятно, всех животных этих мест о появлении на озере человека.

Открыв ключем домик и войдя внутрь, мы зажгли висящую на потолке газовую лампу, и нам представилось наше уютное жилище в котором было все: в одной комнате стояли три кровати с чистым бельем и хорошими шерстяными одеялами; в другой комнате, побольше, — стол, стулья, ледник (в него мы сразу как пристали к берегу, снесли привезенный с берега лед) и печь. На веранде, мы нашли сухие дрова. Кухня была снабжена буквально всем:

ассортиментом кастрюль и сковородок, чашек и стаканов, блюд и тарелок, солью и перцем и так далее.

В домике оказалась жилища, которая совсем не собиралась с нашим приходом его покинуть. Это была очень резвая белка. Как только мы расположились за столом, чтобы поужинать, она бесцеремонно хватала со стола все, что ей нравилось, и тут же сидя на столе ела.

Выгнать ее наружу за все время пока мы жили в домике, нам не удалось.

Выйдя наружу рано утром, мы к ужасу обнаружили, что вся привезенная нами наживка дочиста разграблена: — черви хранящиеся в жестянных банках съедены, съедены и все маленькие живые рыбки, которых мы в закрытых ведерцах опустили свечера в воду. Этот разгром сделали хорьки, выдры и рахуны (еноты). Без живцов нельзя было начинать ловлю, наловить живцов на месте не имея сетки или червей, нечего было и думать. Мой приятель был опытный рыболов, мы пробрались через лес к небольшой запруде, сделанной бобрами и там наловили на хлеб маленьких рыбок. Но червей нигде найти не могли.

Начали ловить с берега, сразу обнаружился клев щуки и судака. Пойманную рыбу мы

сразу относили в дом, предварительно на берегу ее очистив и клали в ледник. На окнах домика были решетки, а дверь мы за собой хорошо закрывали на ключ, потому что любители чужого добра, да еще такого, как свежая рыба, со всех сторон зорко следили за всеми нашими действиями.

Достаточно было нам на пол минуты заезжаться, как пойманная рыба мгновенно проваливалась, как сквозь землю. Самыми наглыми, ловкими и умными ворами были еноты. Уезжая на лодке, мы хорошо закрывали дом, ибо были предупреждены хозяином в местечке о возможности визита медведя с семейством, которые в доме произведут такое, что даже и от одеял останутся только шматки.

До обеда мы наполнили наш ледник щуками и судаками, но мы приехали сюда не за ними. Были последние пять дней в сезоне, в которые еще разрешено ловить форель, и теперь мы, испытав клев, отправились в лодке колесить малым ходом по озеру, стараясь поймать на блесну эту замечательную рыбу.

Распустив метров на 60 два шпининга за бортами тихо плывущей моторной лодки, мы пристально уставились на кончики стальных удилиц, положив правую руку на катушки с леской.

Невообразимая тишина царила здесь, — на озере, со всех сторон окаймленном густым

девственным лесом. Голубое открытое канадское небо, таинственность леса, отдельные деревья которого склонились у берега к самой воде, были как в сказке красивы. Мне чудились звуки вальса из балета «Лебединое озеро» Чайковского и казалось, вот, вот проплывут вдоль берега зачарованные лебеди.

Но вот грезы стали прерываться все чаще и чаще, форель начинала браться, то на один спиннинг, то на другой. Как только она бралась мы останавливали мотор и вытаскивали в среднем фунтового веса форели.

Все дни мы вдоволь насыщались вкусной свежей рыбой, приготавливая ее самым различным способом. Улов замораживали в леднике, чтобы его повезти домой. Проведя на рыбалке четверо суток стали собираться в обратную дорогу. Привели все в домике в такой же порядок, в каком его приняли, уложили в алюминиевые холодильники замороженную форель, засыпав ее мелким льдом, закрыли на замок дом с оставшейся там жилищей — белочкой, погрузились в лодку и поехали обратно к месту, где оставили на берегу наш джип.

Недалеко от того места был один такой же домик, принадлежащий Шарбуно, и когда мы, юставляли лодку заметили, что теперь там есть кто-то из рыболовов, мы вошли в дом, чтобы познакомиться с рыбаками. Их оказа-

лось трое, приехавшие на месяц из Нью Йорка американцев. Мы застали их за первым завтраком; на столе перед каждым на тарелке лежал полторафунтовый бифштекс и стояла бутылка виски. Меня удивило их меню, так как все они выглядели пожилыми. На мой вопрос сколько им лет, один ответил что ему 84, а его приятелям немного больше. Оказались они Нью Йоркскими мясниками, приезжающими сюда на ловлю форелей каждый год на месяц по совету врачей. Смотря на их бифштексы я пожалел, что все эти дни, из осторожности питался только рыбой, хотя по сравнению с ними я был молодым.

К полудню, мы тем же джипом прыгая по кочкам добрались лесной опять дорогой до местечка, расплатились с Шарбуно, угостили его вином, перегрузились в наш автомобиль и к полуночи были в Монреале, с хорошим количеством замороженной форели.

Была изумительная канадская осень: всюду лес горел мозаикой таких, переливающихся в лучах солнца, ярких золотых и серебряных красок, видеть которые дано не многим. Разноцветный ковер из опавших с деревьев листьев, уже был природой разостлан на земле.

Когда мы ехали по лесной дороге на джипе, нам несколько раз путь преграждали неподвижно стоящие на просеке куропатки. Они

с любопытством глядели на нас. Мой приятель, остановил джип, взял ружье и стал целиться...

— Оставь их, Миша, не убивай, ради красоты в которой мы находимся. —

И Миша их не тронул.

Канада, 1965.

СРЕДИ РЫБОЛОВОВ

АЗНЫЕ они бывают любители рыбной ловли — от самых странных до самых забавных. В часы досуга своего их создает сама природа.

Читатель моих невыдуманных рыболовных рассказов видно уже заметил, что многие из рыболовов имеют склонность к философии. Но не все рыболовы философы, есть много среди них умственно-ленивых и бестолковых людей, встречаются и пьяницы, у которых бутылка водки — неотъемлемая часть их рыболовной снасти. В оправдание таких нужно сразу сказать: «Хоть пьян, да умен — «два угодя в нем».

Встречаются также наравне с мистическими молчальниками, невероятные болтуны и комики — эти два вида, очень живучие, часто встречающиеся во многих частях света.

Трагедия современных нам людей в том, что они утратили способность радоваться жизни, от чего жизнь, в свою очередь, лишилась своей радости. Рыболовы — любители этот дар Божий до сих пор сохраняют, поэтому каждой моей новой встрече с рыболовом по призыванию, где бы она не происходила, я всегда ра-

дуюсь так, как радовался в молодости, каждому новому моему роману.

Начало рыбной ловли в сезоне этого года я провел в обществе двух приятелей рыболовов на реке Св. Лаврентия в Канаде. Оба были разные люди: один до крайности бестолковый. Другой — неразлучный друг лени и беса пьянства.

«Бестолковый», расставив удочки на берегу реки где попало, и как попало, провел весь день рыбалки в суете около них. Удочки у него все время при забрасывании за что-либо цеплялись и запутывались. Катушки заедали и не действовали, лески рвались или завязывались узлами, наживка срывалась с крючков. Разбирая все время рыбную снасть, он оглашал тишину невероятными ругательствами и так проклинал «тисноту на билом свете», как будто находился в боченке с сельдями, между тем, как был один на большом куске берега.

На мой деловой совет, как правильное установить удочки, он зло отгрызнулся сказав, что привык на рыбалке «стоять на своих собственных ногах».

Другой, видно, предназначенный отроду жить беспечным, придя к месту ловли, не спеша выбрал красивое местечко у глубокого омута, из которого живописно торчали кривые ветки старой коряги и здесь, поблизости от них, расположился под ветвями большого дерева. Придерживаясь мудрого житейского правила, что «дело не медведь, в лес не убежит», разло-

жил на траве закуски, вынул бутылку с виски и выпив стакан, другой, хорошо закусил. Затем поднялся, вдумчиво огляделся по сторонам берега, поставил два удилища на донную, — одно «на живца», другое «на червяка». Сам он, тотчас же уместился под деревом спать. На мое соседское замечание, что такое оставление удочек без внимания к ним, очень опасно, он небрежно бросил мне в ответ: «Солдат спит — служба идет»!... Скоро из под дерева до меня стал раздаваться такой его храп, что, думаю, если бы вблизи нашего места оказался медведь, то он не решился бы к нам приблизиться из-за страха встречи с каким-либо страшным зверем.

Когда он часа через два проснулся и протрав глаза подошел к берегу он увидел результаты «службы» спящего солдата: одно удилище с размотавшейся до конца катушкой, сорвала с берега и унесла вниз по течению реки, схватившая наживку щука, а леску другого, так запутал в корнях коряги заглотавший червя большой окунь, что ее пришлось оборвать со дна голой.

Это мало смутило лодыря, который держал себя на рыбной ловле «как дома». Обругав крепкими словами корягу, он беспечно пропел:

Люблю я летом с удочкой
Над речкою сидеть,
Бутылку водки с рюмочкой
В запас с собой иметь...

Оставив удочку лежащей на берегу, он снова выпил и закусил под деревом в тени, и снова предался безмятежному сну до самого вечера, когда мы его разбудили, чтобы ехать домой.

Есть тип рыболовов молчальников. Выберет такой укромное местечко, умело расставит удочки, уткнется в них носом всем существом своим, и так проведет весь день, в полном молчании и раздумьи. Сидит отделенный от мелочной пестроты обыденной жизни и думает. Черт его знает о чем этот сорт людей на рыбалке думает? В большинстве случаев, как я заметил, такие отдыхают от семейной жизни на лоне природы. — Молчальники, ум которых еще дремлет в границах двух измерений, погружены в думы попроще: куда земля девается, когда палка в землю втыкается? Таких немало, как среди людей с незаконченным низшим образованием, так и с законченным высшим. Ну а те, ум которых к пожилым годам уже созрел, те в глубину вещей смотрят, сидят и решают вопрос об «образе и подобии Божиим в человеке».

Очень забавен тип рыболова болтуна. Весь день без умолку говорит. Среди говорунов встречаются интересные рассказчики. Пепи, с которым я этим летом часто выезжал на ночную рыбную ловлю Орады и Бранзини, в красивом приморском местечке, на Адриатическом побережье, — принадлежал к числу таких.

По профессии он был портной, постарев жил на пенсии, имел небольшую моторную лодку и был глуховат. Поэтому я с удовольствием больше его слушал, чем говорил сам.

Родился он в Истрии и по происхождению был словенец. До Первой мировой войны Истрия входила в состав Австро-Венгрии, затем перешла к Италии, а после окончания Второй мировой войны была присоединена к Югославии, управляемой теперь коммунистами.

Как-то на мой вопрос, в какой период времени ему жилось лучше всего, Пепи сказал: «Во время Франца-Иосифа мы жили как в раю».

Мы скоро подружились. Рыболов он был настоящий и все повадки морской рыбы знал в совершенстве.

На рыбную ловлю мы выезжали, как только стемнеет. При свете луны мы медленно плыли по гладкой поверхности небольшого залива. У каждого из нас за бортами лодки волочилась тридцатиметровая нейлоновая леска с живым маленьким рачком-креветкой.

Орада бралась редко и Пепи, вяло ворочая одной рукой кормовым веслом, без умолку трепал языком. Больше всего он любил рассказывать разного рода рыболовные истории. Их можно было бы рассматривать как анекдоты, если бы они были покороче.

Вот одна из них:

Напросился сельский дьячек к рыбаку ловить вместе рыбу. Рано утром забросили в мо-

ре сеть и вытащили ее на берег, полную разной рыбы.

«Разделим улов по божески, беря каждый из сети рыбу во имя какого-либо святого», — сказал дьячек рыбаку компаньону.

«Святому Николаю», сказал рыбак, беря из сети одну рыбу.

«Во имя св. Иосифа» изрек дьячек, беря в свою очередь одну рыбу покрупнее.

«Во имя св. Франциска» сказал рыбак, — вытягивая одну рыбу из сети.

«Во имя св. апостола Петра и Павла» изрек дьячек, — беря себе две самых крупных рыбы.

«Святому Антонию» тихо пролепетал рыбак, беря следующую рыбу, а дьячек в это время брал себе уже три рыбы во имя «трех святителей». Дальше рыбак взял одну рыбу во имя св. Магдалины, а дьячек стал уже отсчитывать себе сорок рыб во имя «святых сорока мучеников». Тут терпение у рыбака лопнуло, он завязав сеть со всей оставшейся рыбой узлом, взвалил его себе на плечи и сказал: «этих всех остальных я возьму себе во имя «всех святых»...

При этих словах Пеппи вдруг бросил из рук свою леску и прекратил греблю веслом. Десяток секунд... леска натянулась и Пеппи начал ее вытягивать из воды в лодку. Скоро показалась попавшаяся на крючек довольно крупная орада. Я светил ему электрическим фонариком, пока он ее снимал с крючка и нацеплял нового рачка.

С берега, с красивой местностью местечка, с ярко освещенной набережной, тихо доносились звуки приятного джаза, игравшего в кафе оркестра. В воде отражались разноцветные лучи огней отелей, и мы тихо поплыли дальше, любуясь южным небом и яркими звездами.

Истрия, 1973.

ЗЕМЛЯК

АБРАЛИСЬ мы как-то с приятелем на рыбалку в дебри бесконечных канадских озер и горных речек, стекающих с покрытых девственным лесом гор в Атлантический океан.

Местечко облюбовали — не может быть лучше.

Вода в речке текла хрустально чистая. В тех местах, где выступали камни и мешали те-

чению, вода нежно и ласково обтекала их с нежным журчанием.

Очарованно ширился лес по обеим сторонам речки. Огромные ели приблизились к мелкоскалистому берегу, а некоторые из них, не то от старости, не то от какой-либо лесной болезни (кто это знать может) повалились в воду, да так и остались лежать десятилетиями, живя наполовину в воздухе, наполовину в воде. Их вывороченные корни загромождали местами берег, ветви были погружены в воду.

Из-за высохших, переплетенных между собой корней на нас пристально глядели ракуны (еноты или полоскуны) и какие-то другие лесные и водяные зверьки.

На всех ближайших деревьях, на их широко раскинувшихся ветках мгновенно и чинно расселись, как только мы здесь остановились, белки — молодые поближе, старые подальше.

Скрестив на грудках свои передние лапки, белки неподвижно стояли на задних лапках. Они напоминали своим видом благочестивых монахов, просивших подаяния. Нельзя было оторвать глаз от этих смиренных с виду, а в действительности вороватых и злых зверьков. Наверху же, там, где между верхушками деревьев просвечивало голубое небо, происходило в это время что-то ошеломительно прекрасное.

Оттуда лились звуки настоящей небесной музыки, посвященной неведомым композитором встрече утреннего рассвета. Умолившись на верхушках самых высоких елей, приветствуя

грядущий день, дрозды исполняли утреннюю симфонию зари. Трогательной и нежной трелью они возносили хвалу лучам восходящего солнца, над которым уже ярко горела золотая корона.

Встречали ли вы, дорогой читатель, хоть раз в вашей жизни такое раннее утро на реке или у озера, среди девственного леса?

Здесь, в тишине и безмолвии, природа дарует человеку уверенность, что душа его — не только функция его мозга, а есть особое существо — духовное и происшедшее из того же Высокого Начала, из которого получила свое бытие и сама природа.

Слушая эту симфонию, у нас на глаза навертывались слезы от восхищения и от какого-то неведомого чувства, глубоко затаенного в душе каждого человека.

«До чего же здесь спокойно и хорошо», «сняв шляпу и перекрестившись на восток, сказал Егор Егорыч. «Вот бы здесь остаться жить навсегда. Жить здесь отныне и до века. Не слышать гула большого города, не дышать скверным воздухом, не встречаться с людьми, всегда готовыми к обману и лжи, не заниматься ерундой, которой земля стала полниться после того, как Бог, отдохнув на седьмой день после творения, отдал ее людям для жительства».

«В самом деле, — сказал Егор Егорыч, — который год мы с вами живем на пенсии. Поселимся здесь: вставать будем ранешенько,

умываться водою студеной белешенько, завтракать скорешенько и тому подобное — и сразу же за рыбку: лови себе весь день для собственного удовольствия и своего пропитания...

Проблема тут в чем? Кто захочет доставлять наши пенсионные чеки? Почтальоны из рук вон плохо доставляют их нам в городе, а сюда и подавно не принесут. И черт побери, где мы здесь их разменяем?»

«Давайте-ка приступим к делу, — сказал я, — что и как будем здесь удить?» «Глубины большой здесь нету, — ответил Егор Егорыч, — вода живая и самое правильное ловить на червя. Там должна быть крупная рыба, а то и форель сдуру налетит...»

«Дело говорите, Егор Егорыч, прекословить вам сам Бог не велит. Сразу виден ваш восьмидесятилетний рыбачий опыт; что ни слово скажете, то золотом одарите. Только бы клев был хороший, а то просидим весь день, сложа руки и чеша языки».

Насадил мы на крючки красных навозных червей и забросили каждый по удочке, подальше от берега. Удилища держали в руках, пока не почувствовали первого клева... Он начался сразу, но какой-то беспокойный. Не успевала наживка как следует коснуться дна, как рыба сильно клевала и в одно мгновение ее сжираала. Никак не удавалось подсекнуть так, чтобы вытащить первую рыбешку и узнать, с кем имеешь дело. Наконец, удалось: попался-таки первый сорванец... это был ерш. (В Канаде ерши

мельче и выглядят иначе, чем в Европе, но ухватки их те же — воровские).

Я вытащил двух ершей, а Егор Егорыч выудил сразу трех. Снимая их с крючка и выбрасывая в траву, он крепко по-русски выругался: «Напоролись на стаю речных разбойников, теперь ерш не даст даже подойти к наживке никакой другой рыбе — будет сам со товарищи, на лету срывать ее с крючков. Такой характер у этих разбойников», — и он плюнул с досадой в сторону.

Мы бросили на землю наши удилища, закурили и стояли в недоумении, не зная, что нам дальше делать.

Из раздумья неожиданно нас вывел заговоривший по-русски за нашей спиной голос: «Эй вы, старички-молодцы, здорово! Как поживаете, знакомые?»

Оглянулись и видим: стоит за нами какой-то человек в широкой фермерской рубахе. Седые волосы всклокочены, как у лешего, опирается обеими руками о дубинку. По виду пожилой фермер, но уж очень бедно одетый, а по роже — в таких глухих местах ничего хорошего о нем не подумаешь.

«Какие мы тебе знакомые, в жизни тебя никогда не видели. Откуда ты узнал, что мы русские?»

«А по руготне вашей отечественной определил земляков. Ну, значит, и подошел для разговору!»

А чем ты занимаешься, что у тебя дубина в руках такая, что быка ею с одного удара уложить можно?»

«Ничем особенным всю жизнь не занимаюсь, а сейчас здесь на одной старой заброшенной ферме за стариком французом присматриваю. Есть ему даю и сам ем. Дети его ферму побросали и живут в городе, они мне еду привозят и платят малость, ждут, пока батька помрет, чтобы землю продать дедовскую. А я так полагаю, что они все — и я сам — раньше помрем, чем старик.

А вы, папаша, насчет этих самых ершов-то правильно выразились и к слову матернули. С Волги я, с реки матушки, там еще мой дед рыбак говаривал: «Щука и та, хоть с рыла востра, да не горазда взять ерша с хвоста». Щетинник никаких рыб не боится, ото всех рыб он оборонится. Еще от самых древних времен о ерше идет на Руси дурная слава. Мой дед был старовером и баял, что ерш собою мал и проворен, а щетины у него лютые рога-тины и теми острыми своими щетинами ерш прокалывает рыбам ребра и носится по рекам и озерам, аки бешеная собака. Дед много знал такого об ершах...

Скажу вам, землячки, как своякам, где на рыбалке ерш затешется, рыбу ловить бросайте. Зря время потеряете, решето воду в дом носить будете. А ежели из наловленных ершей, чего доброго, уху сварить вздумаете, то в старину о такой ухе люди говорили, что ее

не столько едят, сколько расплевывают. Скажу вам, кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает. Бросайте ваше занятие, вынимайте из ваших рюкзаков снедь городскую да выпивку, сядем на бережку да закусим в своей компании, авось не подеремся».

— «Сам-то ты, не из рыболовов будешь, случайно, уж больно ты речист?» — задал ему вопрос Егор Егорыч.

— «Никак нет, таким ребяческим делом не занимаюсь. Я сызмала охотник».

— «Да это видно и по твоей брехне, что ты охотник. Смотря только до чего. Ладно, садись с нами, закусим, денег за это не возьмем, дубину только свою отбрось от себя подальше, на всякий случай».

«Что ты у старика француза делаешь?»

— «Да дело мое простое, — сказал после первого выпитого стаканчика виски земляк, — мое дело хозяина кормить и самому есть. На ферме, акромья нас двоих, никакой скотины или там птицы нету, только за ним мне убрать надо. Вот вся и работа. Сын старика, француз, когда из города наезжает, говорит, что теперь в городе рабочему человеку еще меньше работать надо. Всем безработным правительство платит, и тем, которые в союзах, надо только раз в месяц по городу шляться с плакатами и требовать, чтобы платили больше, дескать, мясо дорожает. Такой теперь в городе

порядок, потому что рабочих теперь народ уважает».

— «Ты такую чушь, братец, несешь, что можно подумать, что кроме леса ничего никогда не видел, — сказал Егор Егорыч, — тебе только не надо забывать, что разговариваешь ты с людьми образованными, а не с коровами в хлеву, и когда чего-либо не понимаешь, лучше спрашивай, а не говори».

— «А чего забывать! Образованные тоже разные бывают, есть которые с понятиями, а есть и без понятий. Это Америка, мистеры».

«Ну ладно, скажи-ка ты, как нам в этих местах до рыбы добраться, где тут форель поблизости ловится? Здешние места тебе ведь известны?»

«Вам через лес надо пройти, там озеро глубокое есть, и вода со скалы в него падает. Там такие форели, хоть руками берите, самое ейное место. Но через этот лес целый день идти — а с вечера там что же делать будете, во тьме-то? Оставьте это до другого раза, я вас сведу туда с утра раннего».

«Как тут у вас насчет медведей, водятся?»

— «А куда же им деваться, лес-то ведь ихний. Намедни к нам на ферму с двумя медвежатами заявился, так таких делов наделал, пока мы со стариком спали, что до сих пор прибраться не успели. Теперь их меньше стало

в наших местах, а вот раньше, хозяин рассказывает, когда он еще маленьким был, так от них проходу не было. В лес хоть не ходи. Хозяин говорит, что его раз мальчишкой медведица в лесу в охапку схватила и притащила в свою берлогу, где сидело ее дите. Она накормила медвежонка, положила его в люльку из березовых веток, которая висела в пещере, да как на него, мальчишку, зарычит, и заставила его люльку качать, а сама в лес — другого медвеженка искать. А дыру в берлогу завалила огромным пнем. До самого утра люльку качал, а медвеженок спал. С трудом в щель из берлоги утром вылез и домой вернулся, а потом с испугу, пока не вырос, в лес ходить опасался».

«Послушай-ка, земляк, ты тут действительно дикарем стал, черт тебя разберет, где ты правду говоришь, а где у тебя брехня. На каком это языке старик тебе рассказывал?»

— «Известно на каком, на ихнем французском».

— «А ты разве говоришь по-ихнему?» — недоверчиво спросили мы его.

— «А то как же, говорю, и все понимаю, что мне старик говорит, али его сын, когда приезжает из города».

— «А они тебя понимают, когда ты им по-ихнему говоришь?»

— «Куды им, квебекские французы же, на счет смекалки у них в голове одной клепки не

хватает, и насчет работы тоже все больше отпираются, что, мол, «фатигэ». Дай квебекскому французу лопату, он на нее облокотится и так стоять будет. Он всегда «фатигэ!».

«Да! Нам, рыболовам, с тобой, охотником, договориться трудно будет. Разговаривать с тобой — все равно, что осла на плечах носить».

— «А вы, рыболовы, тоже не лыком шиты, насчет этой самой брехни-то», — с обидой в голосе огрызнулся земляк.

— «Мы, рыболовы, хоть меру знаем и на рыбалке друг друга не убиваем, как это в каждом сезоне делаете вы, охотники, — заметил ему Егор Егорыч, — не проходит ведь осени, чтобы охотники в Квебеке не перестреляли до двух десятков своих товарищей, хотя все на охоте носите красные шапки и, как дураки, напяливаете на себя красные рубахи».

— «Так то ж на охоте, в лесу разве разберешь, в густой чаще, кто там ерошится — лось или коза дикая, не видать ведь, разве все усмотришь».

Мы начали собираться, а Егор Егорыч, когда, распрощавшись со «знакомым», шли по лесной тропинке к месту, где оставили наш автомобиль, все еще ворчал про себя: «Тоже нашел, с чем сравнивать — рыболова с охотником, дикарь лесной! Охотник он! Смотря до чего охотник!»

Не захвати мы на этот раз с собой лишней бутылки виски, так теперь пришлось бы домой возвращаться с пересохшим горлом.

Канада.
1970

НА РЫБАЛКЕ В ДАЛМАЦИИ

МОРСКАЯ рыба отличается во многом от рыбы, живущей в пресных водах. Ухватки и повадки ее совсем иные. Естественно, что и подход к морской ловле у рыболова должен быть особого рода, как и сама рыболовная снасть, включая сюда и его индивидуальную смекалку.

Мы оставим здесь без внимания морскую ловлю, практикуемую теперь туристами, наполняющими в летние месяцы приморские курортные городки Америки и Европы.

Умостятся такие «рыболовы» тесной группой на палубе катера, владелец которого ткнет

каждому из них троллинг с блесной и поехали часов на пять в море — «ловить рыбу».

Ни очарования, ни искусства, ни философии, ни красоты — ничего в такой ловле нет — одна бестолковщина, да заработок хозяину катера.

Какую книгу надо прочесть, писал мне как-то один из читателей моих рассказов, чтобы стать хорошим рыболовом?

Никакой читать не надо, отвечу на вопрос, кроме той, страницы которой сами открываются рыболову, как только он останется наедине с рекой, озером или морем.

На сотни миллионов лет рыбы старше человека на планете Земле.

Начиная от Аристотеля (384-322 до Р.Х.), о рыбах написаны тысячи книг, из которых рыболову надо знать немного: «Что такое рыба», обитающая в воде, на три четверти покрывающей поверхность земного шара? Но на этот, как раз, вопрос, рыболов ответа из книг не получит. Одна часть скажут ему, что на свете существует 14.000 видов рыб, а другая их часть приведет ему доказательства, что их больше 40.000. Вот и поди тут, разберись! — В книгах ученых.

Но есть основания скорее верить последним, если учтем, что в одной такой реке какой является Амур обитает более 100 пород рыб.

Среди них особое место занимает «царица Амура» — калуга. Это самая крупная в мире пресноводная рыба, достигающая 5-6 метров

длины и сотен килограммов веса. Калуга — редиктовая рыба, она водится только в Амуре и никогда в течение всей жизни не покидает реку.

Созревает калуга очень медленно, а продолжительность ее жизни достигает 300 лет.

Узнать, какие из рыб рыболову интересны и как их ловить, — рыболов должен сам, следуя указанию древних философов, что в каждом искусстве лучшим учителем для ученика, является сам ученик.

Есть на Адриатическом побережье в Югославии древний город — Дубровник. В средние века здесь была аристократическая республика, и тогда этот красивый городок назывался Рагуза. На западе, к Дубровнику примыкает небольшая природная гавань и городок Груж. Короткая дорога, усаженная пальмами и олеандровыми деревьями, соединяет их, оставляя всю прибрежную полосу с пляжами курортному местечку Лападу.

До Второй мировой войны в Лападе в своей вилле жил и писал морские пейзажи большой русский художник, академик, маринист, А. Ганзен — ученик Айвазовского. Свои полотна А. Ганзен периодически выставлял на выставках в Белграде, Загребе, Вене, Париже и других местах.

Проводя часто летние месяцы поблизости от Лапада, я часто бывал у А. Ганзена, полотна которого хранятся в музеях многих городов.

Если из гавани Гружа выехать моторной лодкой в открытое море, то через полчаса войдем в крохотную бухточку, заросшую южной растительностью, небольшого острова Колочеп. На этом уединенном островке я подолгу оставался, чтобы вдоволь насладиться рыбной ловлей всякого рода хорошей рыбы.

Туристы, в описываемое мною время, на Колочеп не проникали, островок был для них недоступен. Около сотни жителей островка были все отставные моряки далматинцы, в главном капитаны торговых судов, доживающие свою жизнь на покое.

Каждый из них жил в своем домике, окруженном огородиком, садом и, конечно, своим виноградником. На островке пресной воды не было — все пили каждый свое собственное вино.

Восточная бухточка носила романтическое название — «Дон Жуан». Ее левый берег крутым подъемом террасами, поднимался до скал, сразу круто обрывавшимся в сияющее под солнечными лучами глубокое открытое голубое море. Небольшое плато, защищенное с моря высоким скалистым берегом, сохраняло руины древнего монастыря, а поблизости у небольшого песочного пляжика, на самом берегу красовалась беленькая как снег вилла, принадлежавшая одинокому австрийскому художнику Ма-

ричу. Художник жил в ней постоянно, а летом, по строгому выбору, несколько комнат сдавал в наем с полным пансионом «людям общества». Никто не мог купить на островка участка земли, вся она принадлежала двум выходцам островка, жившим где-то в Южной Америке и там разбогатевших. Отставные же аборигены островка — моряки свои домики не продавали, умирая передавали их из рода в род. Постаревшие «морские волки», часто ночью выходили на своих лодках в море на ловлю сардин для себя, днем ловили рыбу с берега или болтая, сидели в тени своих садилов и беспрерывно пили собственного изделия вино, заменявшее им воду. Сам приморец, родившийся в Севастополе, хорошо владевший местным наречием, я был своим в их морской семье. У самых руин старого монастыря, между оливковыми деревьями, возраст которых безошибочно определялся временем до Р. Х., ютился каменный домишко с железными, проржавевшими от морских туманов, решетками на узеньких окнах, каменными, временем вылизанными, полами и старинным очагом из камня, напоминавшем огромный камин.

В домике, никуда не выходя, жила, а правильнее будет сказать, ютилась девяностолетняя, довольно бодрая старуха госпа (госпожа) Франческа, — вдова капитана большого 4-х мачтового клипера «Святая Екатерина». Картина корабля в старинной раме висела на стене. На ней «Св. Екатерина» раздув все паруса и

клипера, разрезая волны, неслась в какие-то заморские страны. Над картиной висела, немало выцветшая, большая фотография капитана клипера в форме, а ближе к углу комнаты — хорошего древнего русско-церковного письма православная икона Богородицы. Перед иконой теплилась лампада... «Мой Винко очень любил Россию и русских любил, а русские любили его. В Одессе, куда он плавал много раз, жители подарили ему эту икону», — не раз говорила мне госпа Франческа, утирая платком слезы и глядя на портрет своего мужа.

Одиночество старухи разделяли два кота и коза Тинка. Соседи помогали старухе, но фактической кормилицей этой морской семьи была Тинка и, если она не была занята навешиванием «порядка» в огороде старухи, то толкалась в комнатах домика, мешая котам спать.

Ближайшим соседом вдовы капитана был старый одинокий штурман другого клипера. Все его называли барба (дядя) Никола. Он побывал во всех крупных портах Черного моря, бывал и в моем родном городе Севастополе еще тогда, когда меня и на свете не было. Все дни моих пребываний на Колочепе я был с барбой Николой неразлучен.

С этого места и начинается, собственно, рассказ о морской рыбной ловле. Пусть читатель простит меня за то, что я пре-

жде чем его начать, до крайности исчерпал его терпение.

Была, есть и, если не исчезнет вскоре, то и будет, хорошая рыба на Адриатике — «Зубатац». За ним мы, главным образом, и гонялись. Способ ловли зубатаца был у нас особенный, — нигде я больше такого не встречал. Вечером, с каменистого берега заносили на лодке метров на триста в море толстые крепкие лески (Зубатац часто превышает вес 8-10 кил). Хорошо завязав один край лески за камни берега, мы другой ее конец с насадкой на крючке небольшой рыбки, опускали с лодки на дно, выбрав хорошую глубину. И так оставляли две, три удочки на ночь. Рано утром, отвязав леску от камня, мы медленно подгребая к месту заброски, постепенно выбирали с лодки леску крепко держа ее в руках. Иногда мы чувствовали рыбу сразу и не без труда вытаскивали ее из воды. Но нередко поднять сильного морского хищника со дна было невозможно. Загнанный между камнями, он упирался о них своими широкими боками. Силой в этих случаях ничего нельзя было сделать. Хищник предпочел бы лишиться части своего огромного рта, вырванного крючком, чем выйти из своего убежища между камнями на дне. Чтобы оторвать его от дна, прибегали к хитрости: брали небольшого диаметра чугунное кольцо, привязанное треугольником к бичевке такой же длины как и леска. Кольцо продевали через натянутую в воде удочку и медленно опускали на веревке

на самое дно, где оно и ложилось, оставаясь в горизонтальном положении у конца удочки, касаясь или близко находясь от головы рыбы.

Я начинал, то поднимая, то опуская спущенное в море кольцо, легонько ударять им зубатаца по голове, а барба Никола держал натянутой удочку в своей руке и, как только зубатац не выдержав такого беспокойства, решался переменить свое положение, барба Никола быстро его вытаскивал из моря.

Интересной также казалась мне и ловля «ласкири», рыбы широкой плоской формы полуфунтового среднего веса, держащейся стайками на небольшой глубине от поверхности моря. Эта рыба очень любит белый хлеб, но берет его только плавающим на поверхности моря.

На небольшого размера четырехугольной формы пробки мы подвязывали короткие жилки с небольшим крючком с насаженной сухой корочкой белого хлеба. С десятков таких пробок, отъехав в лодке подальше от берега, мы бросали в море и быстро отъезжали в сторону. Поплавки с кусочками хлеба несло ветром и течением, и рыбы, выскакивая из глубины хватали наживку с лету и попавшись на крючок погружались в море вместе с пробками. Пробки на наших глазах исчезали одна за другой и через минуту, другую, всплывали на поверхность моря с обессиленной рыбой. Мы подъез-

жали к ним ближе и собирали «посуду» в лодку, снимали с нее рыб и повторяли дальше операцию ловли.

Теперьешних легких нейлоновских жилок тогда не существовало, мы делали их сами, сплетая из четырех волосков выдернутых нами из хвоста осла. На острове жили с десятков ослов, которым не нравилось выдергивание нами из их хвостов волосинок и, завидев нас издалека, ослы начинали истошно орать на весь остров и убегать от нас подальше. Меня они особенно не выносили, ибо я плел целые лески большой длины и мне необходимо было иметь сотни таких волосков из их хвостов.

На Колочепе мне впервые удалось открыть способ ловли на удочку кефали (ципли). Кефаль плавает стаями по 20-50 штук. Любимое для пастбища место песочное дно и камни у берега обросшие молоденьким мхом. Кефаль способна сместа развивать огромную начальную скорость и на месте в одно мгновение останавливаться. Она очень умна, далеко видит и чрезвычайно осторожна. Любит белый хлеб и мелких морских червячков. Если осторожно забросить в стаю тончайшую леску с маленьким хлебным шариком на крючке, кефаль стремительно бросится к наживке, но заметив, что хлеб на крючке, сразу шарахнется в сторону. Бросьте вслед за этим тот же хлебный шарик свободно, кефаль его съест.

Заметив однажды такую ее особенность, я приготовил сразу целую горсть маленьких

хлебных шариков, один из которых я насадил на крючек. Выждав, пока стая подошла близко к мелкому берегу, я бросил в воду сразу всю горсть шариков и вместе с ними один нацепленный на крючек лески. В одно мгновение стая расхватала все шарики и впопыхах нашлась дура, которая попалась на крючек.

Снимая первую такую с крючка, я пустил ее обратно в ее стихию со словами: «Живя в коллективе нужно также быть осторожной и сохранять свои индивидуальные качества!»

— Поймать кефаль на удочку, — «дар особенный», — изрек как-то барба Никола, беря из корзины и отправляя в рот сотую по счету устрицу.

Не отставал и я на много от него, когда мы распив бутыль белого вина, заканчивали всегда наш обычный второй завтрак устрицами своего собственного завода. Он был у нас под носом, у берега.

о. Колоѡер - Dalmacija
1926 г.

КОГДА НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ НА РЫБАЛКЕ

Кот и собака

ПРОШЛОМ году я два летних месяца провел на югославянском побережье — в Истрии, в небольшом, когда-то красивом, местечке Портороже.

Теперь Порторож превратился в модный курортный городишко, с роскошными благоустроенными отелями, ресторанами и переполненными до отказа пляжами. Его очаровательные вечера и ночи отравлены летом занесенной из США громким джазом — музыкой дикарей.

Познакомившись на месте с одним из местных интеллигентных рыболовов, имевшим свою собственную моторную лодку, мы несколько раз пытались выезжать на ней на самое возмозье, пробуя всеми способами и днем и ночью ловить рыбу на удочку. Ничего из нашей затеи путного не получилось.

Оба любители хорошего природного вина, решили мы ежедневно проводить время в приятных разговорах и угощением себя хорошей рыбой — где-то другими людьми сетью пойманной. Нашли быстро для этой цели и уютную траторию и очень симпатичным, как и мы говорливым ее владельцем, который помнил старые, добрые времена. Его рыбный ресторанчик, окруженный черешневыми садами, расположился у самого берега моря, далеко в стороне от больших отелей и пансионов. Столики, накрытые яркими скатертями, были расставлены в тени больших старых деревьев и цветущих благоухающих на ярком южном солнце олеандров.

За одним из таких столиков мы и угнездились, встречаясь ежедневно, чтобы в тишине хорошо выпить, поесть и побалагурить.

Сидим как-то, попиваем знаменитое корчуланское белое вино «Грк», из тех вин, которые в свое время римляне на своих пиршествах предпочитали другим винам, ждем пока хозяин возится на кухне с приготовлением нами выбранной рыбы...

В нескольких шагах от нас развалился у ствола дерева темно-рыжий кот. Когда мы вошли, его там не было; он появился незаметно, по-видимому, дошедший из кухни запах приготавливаемой рыбы пробудил его от сладкого сна, и теперь он, старательно сляняв лапу, прихорашивался для встречи гостей, начинающих собираться в садике ресторана.

Вдруг мы заметили большого длинношерстного пса, который осторожно подкрадывался, прячась за стволы деревьев, к коту. Нас удивило, что кот, заметив врага, тем не менее продолжал с философским спокойствием совершать свой туалет. Покончив с головой и ушами, он занялся разглаживанием своих длинных усов...

В этот момент лохматый пес со страшным рычанием стрелою бросился на кота. Но тут произошло необычайное. С молниеносной быстротой накинулась на агрессора неизвестно откуда взявшаяся собака легавой породы и после короткой схватки обратила его в бегство.

Кот при этом даже не привстал со своего места. Покончив с усами, он спокойно оставался сидеть под деревом.

Расправившись с врагом, легавая собака вернулась в сад, приблизилась, виляя хвостом, к коту, ласково потерлась головой о его морду и хотела лизнуть, но кот вежливо от такой нежности уклонился. Тогда легаш лег рядом с ним, положив свою голову на вытянутые на земле лапы.

В этот момент хозяин подал нам завтрак. Я спросил его, что это за странная пара: кот и собака? Он объяснил: лет восемь назад они совсем маленькими забрели в его ресторан и здесь прижились. Однажды какая-то бродячая собака напала на щенка. Тогда котенок, бывший поблизости, вскочил ей на загривок, ста-

раясь когтями вцепиться в глаза. С трудом от него освободившись, бродячая собака с визгом убежала из сада. С того времени легаш и кот не расстаются друг с другом, собака никому не дает в обиду кота, и они живут так дружно, что люди могли бы им позавидовать...

Собака — самое старое домашнее животное, ее диких предков человек приручил очень давно. Думают, что это произошло в начале каменного века, когда некоторые дикие звери, среди которых были волки и шакалы, питаясь остатками убитой первобытным человеком дичи, впервые приблизились к человеческому житию. Их детеныши попались в руки человека, который занялся их приручением.

Есть собаки по натуре добрые и есть злые. Злой собаку сделал, по-видимому, человек, сам злой и жестокий.

У меня был французский бульдог (бостон-терьер), которого я купил до войны в Вене у двух старушек. Они пришли на вокзал к отходу поезда на Белград и принесли проданному щенку домашнее печенье и баночку кофе, сваренного по-венски, который он привык пить по утрам. Продали они щенка по нужде, и на вокзале, прощаясь в слезах с ним, просили меня любить его, потому что он очень ласковый, умный и добрый.

Однажды, прогуливаясь со мною по городскому пустырю, Мурли (так его звали) неожиданно бросился в канаву с грязной водой и вытащил из нее брошенного кем-то слепого

котенка. Он положил его осторожно на траву, самым тщательным образом вылизал и принес его домой, где мы котенка с большим трудом выкормили молоком.

Когда этот бульдог на восьмом году своей жизни заболел падучей болезнью и был помещен в ветеринарную лечебницу, то там он, по словам ветеринара, защищал слабых и больных животных от более сильных и злых.

Есть собаки-аристократы. У меня был одно время шотландский терьер. Получив свою миску с обедом, он обычно всегда вежливо допускал кота отведать еду первым. Только после того, как тот, понюхав борщ или суп, с брезгливостью отходил от миски, терьер неторопливо начинал есть. Доев жидкость, он последним ел свою порцию мяса. Этот не бросился бы в драку из-за брошенной из кухни кости...

С самых ранних времен мы видим собак на рисунках египтян, ассирийцев, китайцев, на памятниках у греков, византийцев и римлян. Великие мастера кисти — Веласкес, Дюрер, Ван-Эйк, Репин, Рембрандт, Рубенс и многие другие дают им место на своих полотнах.

Известный итальянский художник Порта достиг большого совершенства в изображении собак и других животных в лице людей. Даже в лице Платона он нашел сходство с легавой собакой, дипломата Телейрана сравнил с лисицей, а в лице страшного Робеспьера видел тигра. Старые ворчуны-аристократы времен Людовика XIV представлялись ему похожими на

породистых собак королевской псарни. Прав ли был художник или нет, сказать трудно, но если присмотреться внимательно к владельцу или владелице собаки той или иной породы, то кое-какие сходные черты между ними, действительно, найти часто можно.

В кинофильмах собаки часто занимают положение крупных звезд экрана, и такие имена, как Леси, Рен-тин-тин, приобрели мировую известность. Собака Лайка в ноябре 1957 г. стала первым живым существом, отправившимся на Спутнике в космическое пространство. А в 1960 г. в космическом корабле собаки Стрелка и Белка облетели Землю и вернулись обратно живыми, открыв путь человеку в Космос.

Верности собаки не всегда и не везде воздается по заслугам. Но вот перед вокзалом в Токио в Японии поставлен памятник собаке, приходившей ежедневно на вокзал и дожидавшейся там своего хозяина, уехавшего из города и погибшего в железнодорожной катастрофе. Не знаю, отмечена ли в СССР служба науке Стрелки и Белки и каким образом это сделано?

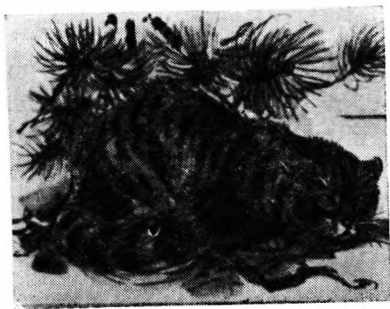
— Ну, хорошо, — сказал мой собеседник, видимо уставши слушать мой рассказ о собаках, — скажите что-либо и о котах интересное!

Что касается котов, то что о них можно сказать? Докопаться в далеких столетиях прошлого до их предков невозможно; по-видимому, кот создан сразу Творцом таким, каким он есть сегодня. Завтракавший с нами свежий зоолог утверждал, что кот долго после

того, как собака уже жила в жилище человека, еще шатался по лесным дебрям. Ленивый по природе и хитрый, он присматривался, к какому бы ему самому сильному животному пристроиться на жительство. Сначала он держался медведя, но тот его быстро прогнал за кражу, затем тигра, дальше слона. Убедившись вскоре, что всех их сильнее человек, он проник в его жилье, где вскоре увидел, что в доме человека есть еще более сильное существо — женщина...

К ней он и приластился окончательно и навсегда, выбрав для себя в доме человека подходящее занятие: спать двадцать часов в сутки, мурлыкать и создавать уют.

Порторож
1974.

ХОББИ

ТО из нас не хотел бы отдалить приближающуюся старость! Способ для этого существует только один, — продолжать свою активную жизнь. Если бы был другой, то на свете не было бы стариков.

Критическим моментом в столкновении человека со старостью считается прекращение им своей деятельности — уход в пустыню бесконечных дней, которые нечем заполнить, чтобы избавиться от скуки.

Современная психология учит, что создать себе приятное **настоящее** людям, поставленным в «рельсовый тупик», может помочь только «хобби».

Хобби — слово английское, означающее какое-либо увлечение для заполнения досуга и нахождения себе места там, где деваться некуда. Хобби дает возможность людям, оставившим свою деятельность, не быть в тягость окружающим родным, в особенности детям, и не обращать внимания на невнимание окружающих.

Значение этого слова не является какой-либо новостью. Способность сохранять воспри-

имчивость к внешнему миру и новым мыслям до самых преклонных лет уже давно была замечена и хорошо изучена немецким философом Артуром Шопенгауэром. В «Афоризмах житейской мудрости» Шопенгауэр советовал пожилым людям заранее развивать в себе любовь к чему-либо прекрасному: к науке, театру, музыке и даже к простому размышлению. На это последнее, правда, философ не советовал каждому полагаться с большой уверенностью на успех, так как, по учению знаменитого швейцарского педагога Песталоцци, из прирожденного дурака — мыслителя никогда получиться не может.

Людам, не привыкшим к размышлению, лучше всего подготавливать себя к хобби, не обременяющим ум человека мышлением, например, проводить время в таверне или баре за кружкой вина или пива, играть в карты, кормить голубей и воробьев в городских парках, просиживать вечера перед экраном телевизора.

Пожилых интеллигентных людей привлекает писание своих мемуаров, воспоминаний и автобиографий. На вопрос, кто должен их писать, ответ один: всякий, кому не лень. В мемуарах можно изобразить все, что хочешь, и удовлетворить свое собственное тщеславие. Для тех, кто в своей жизни много видел, это хорошее хобби. Конец жизни напоминает конец маскарада, когда все маски снимаются, и

тут мы видим, каковы люди на самом деле. Автору мемуаров нечего бояться, что и его маску могут снять, но такое, если и случается, то всегда после его смерти.

Занимательное и интересное хобби — что-либо коллекционировать: древние монеты, почтовые марки, открытки больших городов, спичечные коробочки. Многие открывают в пожилые годы в себе талант художника и отдаются всей душой краскам, кисти и палитре. Если их картины нравятся им самим, то такое хобби следует считать одним из завидных.

В последнее время стало модным среди людей пожилого возраста избирать своим хобби поэзию. Те из них, которые не задаются целью «обновить поэзию», часто пишут хорошие стихи и даже издают их отдельными книжками. Жизнь таких поэтов полна интереса. Они не лезут из кожи вон, чтобы занять первые места в поэзии, начинающей в нашу эпоху чахнуть, — они просто любят ее, как люди утонченные любят все прекрасное.

Прекраснейший вид хобби — рыбалка. Она объединяет хороших людей всех народностей и ведет их прямым путем, без войн и революций к дружбе народов, которой, как известно, теперь все добиваются.

Разговоры рыболовов друг с другом — это сказки из книги «Тысяча и одна ночь». Кто их не слышал, тот много в своей жизни поте-

рял. Делегаты, участвующие на сессиях ООН, грызущиеся между собой как собаки, многому могли бы поучиться у рыболовов. Большинство людей, избравших «рыболовное» хобби — рожденные философы, миротворцы и созерцатели матери-природы и, как таковые, живут до очень глубокой старости. Их **настоящее** всегда приятно, часто они умирают на рыбной ловле, видя перед собою голубое открытое небо. Умирают, главным образом, не от старости, а больше от лишней выпивки.

Гораздо труднее выбрать себе вовремя хобби представительницам женского пола. Во-первых, никто из женщин не знает, в каком возрасте надо ожидать критического момента столкновения со старостью, потому что для женщин старости не существует — они считают себя всегда молодыми. Во-вторых, женщинам хобби не нужно, они всегда имеют его под рукой — это телефонная трубка. Разговоры по телефону друг с другом делают их настоящее приятным всегда и удлиняют их жизнь на многие годы. Концерты и театр надолго связывают их с интересной жизнью, а рукоделие — с домом. Не требующие многого от хобби раскладывают пасьянс.

Но это все для небольшого числа женщин. Подавляющее же их число наделено самой природой находить хобби в заботах по дому. **Моя** мать до 84 лет своей жизни не знала другого

хобби кроме как заботы по ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей и внуков.

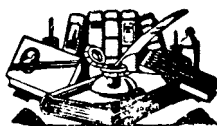
А бабушка моя услышав только одно такое слово — «хобби» истово бы перекрестилась три раза со словами: «храни меня Христос и св. Богородица от такой напасти»! Без хобби она прожила на свете 96 лет.

Обычно принято считать, что удел старости — болезни и скука.

Но болезни вовсе не необходимый ее признак; человек умный и рассудительный вовремя начинает следить за своим здоровьем. В наше время каждый имеет достаточную информацию о том, что его ожидает в пожилые годы от переедания, от курения и употребления алкоголя, от пороков разного рода и переутомления.

Если болезнь не является наследственной, человек может надолго отдалить ее от себя и, во всяком случае, избавить себя от невыносимых физических страданий в конце.

Что же касается скуки, этого лютого врага стариков, то, как мы видели выше, лучшее средство — хобби.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ургенев вылил свои охотничьи переживания в прославившие его «Записки охотника», а А. Солодовников, в параллель Тургеневу, с полным правом назвал сборник своих рассказов «Записки рыболова».

Это сопоставление прямо навязывается при чтении таких рассказов как, скажем к примеру, «На рыбной ловле весной», или «Осетренок Федька», «На рыбной ловле в Югославии» и др.

Как у Тургенева с ружьем и собакой, так и у Солодовникова с его удочкой, не з подстреленной куропатке или пойманном осетре была суть, но в общении с природой и людьми.

Это роднит автора сборника с Тургеневым. Рыболову дорог «и восход солнца и заход его, и шелест тразы и гладь воды и многое

другое, чем вознаграждает природа за общение с нею».

Тургеневу в его записках чего-то не хватало — в о д ы во всех ее видах и со всеми ее обитателями.

Этот пробел заполнил А. Солодовников в «записках рыболова». Мир охотника и мир рыболова дополняют друг друга, имея общую вдохновительницу — природу. Тургенев и Солодовников оба враги корыстного отношения к животному царству природы. Тургенев нам расскажет про воробушка, защищающего своего птенца от собаки, а Солодовников про осетренка Федьку с такими по человечески выразительными глазами, что пришлось вернуть его в родную водную стихию.

Вот что роднит охотника с рыболовом — сердце. А такое сердце бьется у них в унисон с сердцем природы.

Роднит их еще и общение с людьми, у Тургенева разговоры с крестьянами, которыми Тургенев заглянул в самую глубину души, а Солодовников знакомит нас с рыболовами и простыми людьми, как проживающий теперь в Канаде Тихон (в рассказе «На рыбной ловле весной»):

Этот простой человек не черпает свою мудрость в книгах, но всей своей русской натурой верит в русский народ. «Потерпите

малость, он все повертает, что у него в суматохе поотобрали»...

Солодовников, наслушавшись Тихона, заключает свой рассказ словами: «Я задумчиво молчал»... Но и Тургенев молчал, когда мужичок корил его: «Барин, а Барин, зачем ты птичку убил!»

Тургенев и Солодовников, каждый по своему и каждый в своей сфере, зовут нас к природе, этой вечной книге подаренной нам, если мы научимся ее читать, больше чем все библиотеки мира.

Таков мир рыболова и охотника...

ОХОТНИК И РЫБОЛОВ

В лесу ли иль у речки мирной
Не дичь нужна им, не улов —
Полет духовный в мир обширный,
Где все находится без слов...

Творец там дарит благ обилье,
В природе каждый луч искрист!
Душа лишь там откроет крылья,
Где воздух чистый и душист...

Понять нам рыболова нужно —
Ему без речки просто душно.
Природы, дай ему природы
И вместо крыш небесны своды.

Алексей Коровай-Метелицкий

15 января 1977 г. Канада

